

18+

СЕРГЕЙ ШАНГИН

ВТОРЖЕНИЕ

Сергей Шангин

Вторжение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55337935

ISBN 9785449880253

Аннотация

Ты умер? Великое дело! Рай, Ад, Страшный суд? Или нечто другое, вполне обыденное, к чему ты совершенно не готов? Почему мир, в котором ты оказался после смерти, так похож на твой собственный? Или не похож, а именно в нём ты и находишься? Неужели это продлится вечно и тебе суждено скитаться призраком по родному городу? Но что-то подсказывает – не всё так просто, как кажется. На тебя у кого-то есть планы! Знать бы ещё, что это за план, и какой будет плата за проделанную опасную работу. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

АНОНС	5
Серия «Иной мир»	6
– 1 —	9
– 2 —	10
– 3 —	24
– 4 —	36
– 5 —	42
– 6 —	53
– 7 —	59
– 8 —	70
– 9 —	77
– 10 —	84
– 11 —	93
– 12 —	100
– 13 —	106
– 14 —	114
– 15 —	127
– 16 —	139
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Вторжение

Сергей Шангин

© Сергей Шангин, 2020

ISBN 978-5-4498-8025-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНОНС

Ты умер? Великое дело! Рай, Ад, Страшный суд? Или нечто другое, вполне обыденное, к чему ты совершенно не готов? Почему мир, в котором ты оказался после смерти, так похож на твой собственный? Или не похож, а именно в нём ты и находишься?

Неужели это продлится вечно и тебе суждено скитаться призраком по родному городу? Но что-то подсказывает – не всё так просто, как кажется. На тебя у кого-то есть планы! Знать бы ещё, что это за план, и какой будет плата за проделанную опасную работу.

© Сергей Шангин, 2019

Серия «Иной мир»

Книги этой серии объединяет мысль о жизни после смерти, в которую можно верить или отрицать. Но даже самый заядлый атеист и спорщик втайне верит, смерть не означает конец жизни. Есть люди, которым дано видеть иной мир, общаться с его жителями, управлять энергиями, воздействуя на оба мира. Чтобы окунуться с головой в атмосферу приключений героев этой серии, рекомендую прочитать книги в следующей последовательности:

- «Говорю от имени мёртвых»
- «Проект „PlatZдарм“: Вторжение»
- «Проект „PlatZдарм“: Катарсис»
- «Проект „PlatZдарм“: Говорю от имени живых»

Книги можно приобрести в интернет-магазинах: ЛитРес, Озон, Амазон, Ридерб

Моя «полка» в издательстве «Ридерб»

https://ridero.ru/author/shangin_sergei_izrgk/

*Никогда не обещай невозможного,
будь до конца правдивым с теми, кто тебе верит!*

*Но всякий раз, прощаясь с любимой,
обещай вернуться даже из самой страшной битвы!*

*Только не прячься от опасностей в глубоком
окопе за спиной товарищей, а исключительно, проявляя
мужество, дерзость, ловкость, опережая смерть
хотя бы на мгновение,
потому что ты обещал вернуться!*

Живым!

Совершенно секретно
Экземпляр 1 (единственный)

ПРИКАЗ

С 12.11.1982 года в связи с консервацией проекта «Плаидарм» ЦВГО-47/1260 лицам, указанным в приложенном списке надлежит:

- Прекратить любые действия, связанные с проектом;
- Документацию, рабочие станды, образцы изделий собрать и подвергнуть глубокой консервации;
- Физически сократить число лиц, владеющих информацией о проекте, вплоть до полного перевода их в рабочую зону проекта;
- Рабочую зону проекта перевести в режим автоматического автономного функционирования до особого распоряжения;
- Список лиц, имеющих информацию о проекте, не расширять даже в случае их физической убыли;
- Информацию о наличии, целях и задачах проекта передавать лично в руки Руководителю государства только в случае его особого распоряжения;
- Любые случаи разглашения информации о проекте относить к категории «Государственная измена».

Подпись _____

Дата _____

– Алло, это ателье по пошиву верхней одежды?

– Вы ошиблись, мы делаем зонтики для пляжа!

– Но мне сказали, вы можете сшить фрак!

– Если это был Самуил Исаакович, то он пошутил. Что вы хотели ещё сказать?

– Проблемы с проектом, он активирован. Есть четыре проброса!

– Информация принята! Приборные данные передайте координатору по обезличенному каналу!

– Так, стоп, все заткнулись! – заорал Егор. – Достали жалобами на жизнь! Тупые идиоты, маразматика, истерички! Никто не забыл, что мы уже сдохли? Что лыбишься, идиот? Уколотся и забылся? Штырит его, блин! А ты, чего застыла, как статуя? Думаешь, явится боженька и откатит всё назад? Ты, старик, сдох, а ума не нажил?

Его голос звенел от злости, присутствующие разом замолчали, ошарашенно переводя взгляды друг на друга. Спор был в самом разгаре, ещё чуть-чуть и в ход пошли бы кулаки, хотя, что такое кулаки в мире, где тебя, по сути, и нет вовсе?

Даже город выглядел каким-то мёртвым, безжизненным, словно его покинули жители. Не так чтобы давно и поспешно, а просто исчезли все разом, оставив его тем, кто сейчас стоял посреди проезжей части широкой мостовой, отказываясь верить в произошедшее с ними.

– Мы умерли! Нас нет! И жизни нет! И нечего тут рассуждать о будущем, у нас его тоже нет! – тишина казалась столь абсолютной, что слова Егора тонули в ней, не порождая ни эха, ни ответных чувств. – Боже, – крикнул он кому-то в небо, – только всё начало налаживаться, только-только удалось слепить из недоумков нормальную команду, сегодня контракт должны были подписать! И что теперь? Я вас спрашиваю, что теперь?

Егор прислушался к себе, надеясь на чудо – что-то заболит, он вынырнет из сна, кошмар закончится пусть и на самом интересном месте. Это всего лишь глупый сон, – уговаривал он себя, – так бывает, бывало и с ним, но сон обязательно заканчивался, как только звенел будильник или организм призывал к действию по нужде. Будильник предательски молчал, а нужды не было и в помине.

Страшная, дикая тоска вцепилась в сердце, закрутила в тугую спираль душу, захотелось упасть и зарыдать, как в детстве – отчаянно, в голос, будто потерял всё в жизни. Почему будто? Именно что потерял и ничего уже не вернуть, не повернуть вспять, не переиграть заново. Он смотрел на стоящих перед ним людей, испытывая к ним страшную ненависть, как будто именно из-за них это и произошло, словно именно они были виновны в его смерти.

Смерть? Умирили родители, умерла бабушка – это было печально, больно, но естественно, потому что не с ним. Ему всего двадцать пять лет, разве справедливо умирать в таком возрасте? Он же только начал жить!

Пусть бы умерли они – толстопузый полицейский, которому давно пора на пенсию, худосочная прыщавая противная девчонка и этот малолетний гопник-наркоман. Почему смерть выбрала его? Это чудовищная несправедливость, немедленно верните всё назад, так не должно быть! Он не заметил, что последнюю фразу отчаянно в голос прокричал кому-то, скрывающемуся там, вверху, за лёгкими белыми об-

лаками.

– И нечего на меня орать! – взвизгнула девчонка, притопнув от злости ногой. – Разорался тут! Все вы мужики сволочи! Молчи и делай, что сказано? Может, мне ещё ноги раздвинуть? А? Командует он! Я не сдохла! Я жива-а-а-я-а-а-а! – от её крика закладывало уши.

Но странное дело, крик не заметался эхом между коробками домов, не вспугнул спокойно сидящих птиц, остался совершенно незамеченным этим миром. Словно что-то сломалось, выбилось из ткани бытия, превратив его в ватный, поглощающий любые звуки, суррогат города.

Полицейский, которому такие концерты, видать, были не впервой, решительно шагнул к девчонке.

– Всё сказала? – он бесцеремонно схватил её за плечи и развернул лицом к себе. – А теперь заткнись, дура, если не знаешь, что произошло! Я тоже не сдох! Тьфу, подцепил заразу. Я сплю! С бодуна, с похмелья, смотрю кошмары, наркоч фортели выкидывает! Чего уставился, пацан? Деда Мороза увидел? Сам тут что делаешь?

Оттолкнув опешившую от неожиданности девчонку, он расшвиравшим медведем надвигался на пацана лет шестнадцати, одетого в модный пацанский прикид – штаны с низкой мотнёй и бич-майку непонятного цвета. Тот, прикрывшись рукой, в испуге отодвигался мелкими шажками.

– А чего, в натуре, как что, так сразу Корень виноват? Я, вообще, не при делах, мне тоже всё это снится или это... ну,

ты понял? И чего борзеть, в натуре? Ты тут свои ментовские штучки брось, понял? Тут все равные, все покойники. Или хочешь в мусарню загрести? Ага, давай, вызывай папуасов! Ну, чего застыл, как памятник? Я вот прямо сейчас хочу оказаться в клетке, да хоть в тюрьме, но живым! Хочу проснуться! Ну, дай по роже, чтобы сон прошёл!

Происходящее выглядело дико, будто кто-то решил именно сейчас и здесь разыграть спектакль, написанный плохим драматургом. Несмотря на искренность героев, текст выглядел дешёвым и надуманным, а сама ситуация пародией на фильм ужасов. Егор не мог понять, как его угораздило затесаться в такую компанию? Его – гения программирования в один ряд с этими заурядностями? Если это сон, пусть кошмарный сон, но это его видение, он не мог сам для себя нарисовать подобную чушь.

– Высказались? – криво усмехнулся он, с трудом сдерживаясь, чтобы не уйти прочь. – Как и ожидалось, ни одной умной мысли! Угораздило с такими дебилами в компании оказаться! Тупо подумать никто не пробовал?

Все развернулись к нему, и их настроение Егору откровенно не понравилось – полицейский засучил рукава, пацан подтянул штаны, девица скрючила пальцы, как когти. В их взглядах, диких и отчаянных, не было ни капли сочувствия к его тяжёлым душевным страданиям. Как дикие звери, они готовы были разорвать его на куски голыми руками, вцепиться зубами в глотку, выпить кровь из ещё живого тела. Жи-

вого? Смерть или сон?

– У кого-нибудь раньше были такие сны? – крикнул он, сделав в испуге шаг назад. – Хоть раз? Нет? И у меня не было. Вы же знаете, в снах нет никакой логики, всё кажется понятным и связанным, а потом начинаешь вспоминать и получается полный бред.

Егор неожиданно понял, что его могут просто избить и не поможет знание программирования, умение создавать команду на пустом месте, способность заключать договора с самыми сложными клиентами. Если прямо сейчас их не успокоить, они навалятся толпой и ему станет так больно, как не было ни разу. А ведь, по сути, он точно так же, как и они, отчаянно хочет неожиданно проснуться и вернуться к жизни.

– А сейчас не бред, что ли? Ты тут самый умный, да? – опять взвизгнула девчонка, заплакала навзрыд, размазывая тушь по щекам. – Не хочу умирать, не хочу, не хочу... Скажи, что это сон и мы обязательно проснёмся! – она смотрела в глаза Егору с такой надеждой, что его кинуло в жар от невозможности выполнить её просьбу.

Но это уже не нападение, ситуация из «сейчас получишь по морде» быстро переходит в «давай поговорим».

– Вспомните, что произошло перед тем, как вы тут оказались? Вот не поверю, что просто легли в постель и уснули, – трясущиеся губы с трудом выговаривали слова, язык заплетался от страха, но Егор спешил развить успех. – Мы

здесь и это факт. Не знаю, что он означает, но сейчас нужно просто раскинуть мозгами, сесть и спокойно подумать. Без соплей, криков, пустых разговоров и спешки. Похоже, нам уже некуда спешить.

Его слова прозвучали, как приговор, вогнав всех в дикую тоску. Он и сам чувствовал противный липкий страх от сказанного. Слова вырвались помимо его желания, раскрыв глубоко спрятанную мысль, что никакой это не сон. Ему удалось убедить даже самого себя – спешить уже некуда, всё, приплыли, финита ля комедия!

– Но что-то должно случиться? Зачем мы здесь? – девочка опустилась на пыльную придорожную траву, наплевав на белое платье. – Мы же есть! – это даже не было утверждением, она словно проверяла сказанное на слух. – Это же не сон? Может, какой-то эксперимент, а? Типа, как «Дом-2» или «Любовь на острове»? Нас усыпили, привезли сюда и сейчас смотрят, что будем делать?

– Значит так, если кто-то знает, что тут происходит, говорите сразу, а то... – полицейский схватился за кобуру, намекая, что миндальничать он не намерен. – Устроят шоу, мать вашу, а потом разгребай за ними! – он неожиданно что-то вспомнил, сдёрнул с пояса рацию и начал крутить ручки, нажимая на кнопку вызова. Рация трещала атмосферными помехами, напрочь отказываясь сотрудничать с блюстителем порядка. – Да что они там, сдохли все что ли? – возмутился полицейский.

– Не они, это мы сдохли, – раздражённо ответил Егор, в глубине души надеясь, что девчонка права.

– А я понял – это глюки! Не хило вставляет, парни! Реальный приход, по-взрослому, ништяк в натуре, полный улёт! – пацан явно находил происходящее забавным и интересным.

Он кружился, приплясывал, подмигивал и выкрикивал нечто невразумительное, словно и в самом деле находился в наркотическом неадеквате.

– Чувачки, вы по ходу тоже нехило приложились, а? Слышь, толстяк, а давай ты нас всех шлёпнешь из пушки, а? Это же глюк, никому ни хрена не будет, в натуре! Мордас, ну, пульни из пушки! Дышь-дышь-дышь!

– Ладно, этот, похоже, наглotalся колёс, с ним разговаривать не получится, – Егор посмотрел на девчонку, размазывающую потекшую тушь по лицу. – Ты как тут оказалась, и как тебя зовут, чёрт побери?

Хочешь или нет, но нужно знакомиться с теми, с кем придётся, видимо, плыть в этой «лодке» некоторое время. Главным правилом Егора было – помни, как зовут каждого, с кем ведёшь переговоры, людям это нравится, они становятся по-датливее и уступчивее, когда слышат своё имя.

– Не твоё дело! – обиженно выкрикнула девчонка. – Не твоё собачье дело, понял? – в её голосе сквозило раздражение и отвращение ко всему происходящему и ко всем, кто в этот момент оказался рядом. – Алина меня зовут! Понял? Я из окна выпрыгнула, с шестнадцатого этажа! – неожиданно

продолжила она, явно не собираясь до этого момента что-то рассказывать о себе первым встречным. – Эй, режиссёр, какая следующая реплика? – она огляделась по сторонам, надеясь, что в кустах действительно спрятана съёмочная бригада. – Как я в кадре? – никто не ответил, чем снова разозлил Алину. – И что из этого, умник? Ну, сказала я, как меня зовут и что дальше?

– Не знаю, – Егор пожал плечами. – Меня не каждый день с утра во вторник сбивает насмерть машина. Бац и я здесь, потом вы появляетесь с вашими дурацкими вопросами. Если я первый, не значит, что я всё знаю. Просто хочу понять, почему мы здесь и вместе? Может нас при жизни что-то объединяло, встречались где-то, в один садик ходили, родители друг друга знали.

– Эй, парень, ты тут не философствуй, мать твою! Я тебя знать не знаю и знать не хочу...

– А чего вы хотите? – неожиданно прервала выступление полицейского Алина, встав на защиту Егора. – Этот хоть разобратся хочет, а от вас какая польза? Из пистолета постреляете, на пятнадцать суток закроете, родителей в школу вызовете? Тоже мне, нашёлся старший по подъезду!

Полицейский нахмурился, надул щёки, задышал, как бык перед тореадором, раздувая ноздри, но ничего не ответил, махнув на Алину рукой.

– Прикольно! А я вас тоже не знаю, – пацан расплылся в глупой ухмылке, медленно оглядывая одного за другим, –

но вы прикольные! Эй, толстый, дашь пестик пострелять?

– Ага, в рожу дам, нарик проклятый! – разозлился полицейский. – Говорил мне дежурный, не ехал бы ты, Михалыч, в пятницу под конец рабочего дня, пусть молодые надрываются, им это в радость. Так нет же, попёрся хрен старый, думал, премию дадут за задержание, а получил заряд картечи в грудь! – он сплюнул под ноги и устало опустился на траву. – Неужто, в самом деле помер, мать вашу? – лицо его искривилось, он шмыгнул носом и стёр кулаком неожиданно выступившие слёзы.

Умом Егор понимал, что факт неожиданного изменения обстановки является железобетонным доказательством перехода в мир иной, как бы прискорбно это не звучало. Хотя, по всем прикидам они сейчас должны были оказаться совсем в другом месте. Почему этот мир, пустынный и безлюдный, так похож на привычный ему город, если не считать странную троицу, свалившуюся на голову в буквальном смысле этого слова?

Только что вокруг кипела жизнь, куда-то бежали люди, шумели машины, летали воробьи, и вдруг всё разом куда-то исчезло, оставив его, точнее их, наедине с пустым молчаливым городом. Окружающее безмолвие давило на психику – казалось диким, что в полуденный час на улицах миллионного города абсолютно не было людей и машин. Пусть ты умер, но ты же в городе! Куда всё подевалось?

Хотелось разрыдаться и пожаловаться кому-то на...

на жизнь? Так нет же её, сам только что убеждал остальных в этом. Но чувство горечи было столь сильным, а жалость к самому себе столь непреодолимой, что он отвернулся от всех, подставив лицо ветру. Нельзя показывать слабость, пусть ветер высушит слёзы. Ещё бы как-то протолкнуть комок в горле, мешающий говорить.

– А я думала, раз и всё, темнота и ничего больше нет, – девочка говорила спокойно, входя в странный контраст с недавним своим состоянием. – Думала отомстить им всем, пусть поплачут, будут говорить, как они меня любили, а мне всё равно, ведь меня уже не будет. Хотя, если честно, хотелось в этот момент посмотреть на их рожи, – с неожиданной злостью выкрикнула девчонка, – узнать хотелось, заплачут или просто примут к сведению? Ненавижу... всех ненавижу... ходят по школе, словно я пустое место... Думала, вот закончатся выходные, припрутся на уроки, а там, бац, новость! Начнут обсуждать, как я... ну, это... в общем, хотела бы я услышать всё... А оказалась здесь. И никого. Никого из них нет. Зачем? Тебя самого как зовут?

Она смотрела в глаза Егора, стиснув зубы, сжав кулаки, словно готовилась с кем-то драться прямо сейчас. Во взгляде карих глаз кипела злость, и одновременно в них было столько беспомощности и страха, что казалось, не хватает мало-сти, чтобы слёзы хлынули потоком.

– Егор, – с трудом протолкнув комок, ответил парень. – Думаешь, есть какая-то цель? Мы не просто так тут собра-

лись? Как в кино, типа испытание? А потом...

– Эй, погодь, в смысле испытание, мать вашу? Нас что всех укокошили, с какой-то целью? Ты там чего насчёт эксперимента плела? Учёные-маньяки что ли? – полицейский чувствовал себя не в своей тарелке, слушая их рассуждения, и его это дико раздражало.

– Ага, мужик, маньяки, – обрадовался пацан, подскочив от восторга, – крутой баян, сейчас второй приход начнётся! Где будем брать супермегапушки для охоты на монстров? Тут же должны быть монстры? – он забежал кругами, как собака перед прогулкой, заглядывая под каждый куст, пытаюсь переворачивать случайный мусор, словно и в самом деле искал какое-то оружие. – Пушки, пушки, пушечки, пиф-паф, ой-ой-ой, выходи, кто живой!

– Ты бы заткнулся, торчок поганый, и не отсвечивал, мать твою, – цыкнул Михалыч, раздражённый выходкой пацана. – Если не понимаешь человеческих слов, сейчас огребёшь по полной!

– В клетку запрёшь, папаша? – расхохотался нарик и упал в траву, дрыгая ногами от смеха. – Ой, уморил, ну, ты загнул, старик! Ты же глюк, по ходу, не въехал, мент? Приход закончится, и ты пропадёшь, мудрила! Прикинь, раньше меня так не вставляло, не поверишь, в первый раз всё как в реале! Круто до жути!

– Не обращайтесь внимания, – Егор придержал руку Михалыча, собиравшегося дать пацану затрещину. – Без него

обойдёмся, все равно от такого толка мало. Давайте немного помолчим и подумаем, почему мы здесь вместе и почему никого больше нет? Мы ушли практически одновременно? Это произошло где-то рядом, поэтому мы вместе? Между нами есть какая-то связь или нас собрали в кучу для какого-то действия? Я просто накидываю идеи, – он выставил ладони перед собой, словно защищаясь от готовых возмутиться Алины и Михалыча. – Это мозговой штурм, – пояснил он, – любые идеи принимаются без критики, без обсуждения. Говорите всё, что придёт в голову, любая идея может оказаться правильной, потому что мы ничего не знаем об этом мире или об этом состоянии.

– А это точно не сон? – со слабой надеждой жалобно спросила Алина. – Может, ты всё знаешь и над нами прикалываешься, умник? Чего ты такой правильный? – истерично заорала она, моментально откинув жалобный тон.

– Ничего я не знаю, – Егор инстинктивно отшагнул от разъярённой фурии. – Сон! И что из этого? Даже лучше, – кричал он, не веря в сказанное, – просто пообщаемся, поиграем в страшилки и проснёмся в тёплой постельке. А пока это нам снится, давайте что-то делать! Ну, у кого ещё есть варианты?

– Глюк? – пацан неожиданно перестал дурачиться, вопрос звучал вполне адекватно. – Я уже и так и эдак прикидывал, не штырит, не чувствую прихода. Было, сразу, как закинулся таблетками, аж крышу снесло, а сейчас ни хрена нет,

как в хрустальном куполе – чисто и звонко. Может, всё-таки глюк? – в его голосе слышалась слабая надежда, что наркотический туман развеется, как это было раньше.

Пусть грязный, побитый, в блевотине и мокрых штанах он очнётся в своей квартире или у кого-то в притоне, но живой и относительно здоровый. Это лучше, чем признать факт последнего улёта, а точнее залёта в никуда.

– Только я одного понять не могу, – пацан задумчиво окинул их взглядом, – мы появились здесь одновременно. Но ушли в разные дни. Вот ты сказал про вторник, мне подогнали синтетику в четверг, толстый сдох в пятницу, а тёлка прыгнула в воскресенье. Кто-то помнит, что было до этого момента?

Егор напрягся, но, кроме удара машины, в памяти ничего не всплыло – бац, темнота и сразу здесь. А пацан – молодец, он сам пропустил эту нестыковку, хотя именно с его талантами должен был заметить первым. Вполне может быть, всё легко объясняется особым устройством этого мира, знать бы только, как именно он устроен? Неопределённость, непонимание, невозможность что-то планировать дико раздражали.

– Ничего... сразу тут... – признался Михалыч, задумчиво почёсывая в затылке. – Стареть стал, запомятовал. Вечер же был, темнело уже, а тут день в разгаре. Разве так бывает? Хотя, кто его знает, как оно бывает? Может, это и не наш город вовсе? Где народ, куда все пропали?

Девочка молчала, погрузившись в мысли и воспомина-

ния. Говорят, в момент душевного волнения, стресса, человек не думает ни о чём, кроме самого себя и своих переживаний. Они настолько переполняют его, что блокируют любые другие воспоминания.

А потом, в более спокойном состоянии, если такое случается, на него накатывает ужас. Человек внезапно осознаёт, что его близкие могли бы сейчас страшно переживать. Мы редко ценим окружающее нас, привыкаем к этому, как к воздуху. И начинаем замечать, лишь поняв, что этого может и не быть с нами никогда более.

– Мне бы только посмотреть, как они там... без меня?

Голос Алины заставил окружающее пространство вздрогнуть и закружить их в водовороте неожиданного полёта. Непонятная сила схватила всех разом, потащила неведомо куда, наплевав на желания, страхи, крики ужаса и проклятия. Они неслись сквозь дома, деревья, рекламные щиты, устремлённые к какой-то определённой цели, пока, наконец, не оказались в странном полутёмном помещении.

Закрытый в разгар дня антикварный магазин на одной из самых оживлённых улиц города выглядел странно. Потенциальные покупатели с недоумением рассматривали табличку «Закрыто на переучёт», которую давно уже нужно было выставить на продажу, как один из раритетов ушедших времён. Подёргав ручку, они уходили, недовольно ворча, но никто не спешил открыть магазин. Хозяин, он же продавец был занят с гостями разговорами, не имеющими ни малейшего отношения к выставленным на продажу предметам старины. Тем не менее разговор для них был важнее прибыли магазина.

Чаепитие в кабинете, обставленном старинной мебелью, выглядело не менее странно, чем его участники – непонятно чем объединённые люди, собравшиеся, по всей видимости, случайно и специально к этому не готовившиеся. Давно умершие богатые купцы, цыгане и роскошные обнажённые девицы, казалось, с любопытством прислушивались к разговору, поглядывая из картин в тяжёлых рамах, богато развешанных по стенам кабинета. Плотные задёрнутые бархатные шторы не выпускали наружу ни света, ни звука именно на тот случай, если кому-то захотелось бы узнать, о чём именно беседуют трое пожилых мужчин.

– Коротко и по существу, без эмоций и оценок, только

факты. Знаю я вас, начнёте ворчать, что всё продали. Так вот не надо, и без вас тошно. Что у тебя Антон? – резко, привычным командным тоном спросил сидящий во главе стола сухонький старичок в роскошном, шитом золотом, восточном халате.

– Товарищ ген. . .

– Антон, без званий! Засиделись, расслабились, заскучали по казарме?

– Понял, тов. . . Иван Павлович. Если по существу, то аппаратура зафиксировала один возвратный прокол периметра.

– Ты же говорил о четырёх объектах!

– Возвратный один, – уточнил Антон, – но в точке прокола обнаружены ещё три объекта. Время проникновения плюс минус тридцать секунд. Статистика смертности не даёт такого результата. Надо бы сообщить наверх.

Он замолчал, ожидая ответа генерала.

– Откуда информация? – старичок недовольно поморщился, словно узнав о том, чего он ни за что не хотел бы услышать. – Слухи, сплетни собираешь? Кому там сообщать? Давно уже все перемёрзли, одни мы задержались на белом свете. Или, может, тебе это приснилось, Антон? Не рыбацкие байки под литру выпитую?

– Обезличенный канал, Иван Павлович, дежурный контролёр, – спокойно, пропустив мимо ушей ворчание генерала, уточнил Антон. – Я сам чуть не подавился, когда его

услышал, думал, давно уже все забыли, что такое Проект.

– Никто не забыт и ничто не забыто! – противореча самому себе, проворчал генерал. – Вопрос – что теперь со всем этим делать? Они, видите ли, зафиксировали, а кто будет реагировать? Как говорится, кто весть принёс, с того и спрос. Чего молчишь, Антон?

– Канал официальный, проверенный, люди попусту болтать не будут. Проект законсервирован, значит, никто не должен был в него проникнуть. Лаборатории закрыты, спецов нет, приказов не поступало. Одно из двух – нас забыли оповестить о запуске Проекта или кто-то работает сам по себе, используя нашу технологию и оборудование. Аппаратура врать не будет, сигнал прошёл, значит, что-то было. Это факт! Другой вопрос, контролёры, зная о запуске Проекта, не стали бы нам об этом сообщать, как об экстраординарном событии.

Старичок в рыбацкой куртке и таких же непромокаемых штанах замолчал, постукивая пальцами по лакированной столешнице дорогого антикварного стола. Пауза затягивалась.

– И? Какие выводы? Мне из тебя по слову тянуть? – не выдержал генерал. – Факты он принёс! Мне их на сковороде жарить? Ты выводы давай, Антон, а я покумекаю, что с ними делать!

– Выводы? Да шут его знает, тов... Иван Павлович, может случайность, может погрешность приборная, а может быть...

– Группа? – не утерпел антиквар, заёрзав в старинном кресле.

– Да, вполне допускаю. Один для возврата информации, остальные – одноразовая поддержка.

– Зачем им возвратный агент? – настроение генерала явно портилось. – Для чего такие сложности? Это же целую лабораторию держать придётся!

– Допускаю, нет у них специалистов по сбору информации непосредственно там. Определёнными технологиями владеют, но не в полной мере. Думаю, кто-то слил им часть секретов, знать бы кто?

Антон смотрел на генерала так, словно именно тот был виновен в утечке тайны государственного масштаба.

– Думает он, – проворчал Иван Павлович, ёжась под взглядом подчинённого. – Сами, что успели узнать? Кто они, какая задача, кто куратор, где точка сброса? Мне вас учить работать? Почему до сих пор не наладили контроль агентов?

Генерал входил в привычный раж, забыв, что звание и должность остались в далёком советском прошлом, а теперь он обычный старичок, владелец антикварной лавки, торгующей всяким старьём. И сам он, по большому счёту, был тем самым старьём, которое задвинули в сторону и забыли в силу особой секретности, да и ненужности, честно говоря. Но кому-то те секреты показались интересными.

– Ну, вы даёте, Иван Павлович, когда бы мы всё это успели? – искренне обиделся Антон. – Агента выслали, службу

помним, правда скоро и посылать-то некого будет, помирают кадры, – он замолчал, словно вспоминая тех, кто ещё вчера бок о бок с ним защищал государство на столь необычном фронте. – Да и не всё там так просто, если честно. Не сканируются они. Совсем. Такое впечатление, что и сами ничего не знают, идут вслепую.

– Ждут ключевой команды? – генерал был явно озадачен.

– Допускаю и это, но вот сам факт такого программирования говорит о многом. Петя, ты помнишь Колю Свиридова? – старый рыбак обернулся к сидящему по левую руку от него грузному мужчине, так и не снявшему серый, потемневший от дождя плащ.

– Это, который чокнулся на почве нейропрограммирования?

Пётр усмехнулся, как будто вспомнив нечто забавное из прошлой жизни. Он выглядел самым молодым в компании, собравшейся в полутёмном кабинете антиквара. Складывалось впечатление, что в былые годы он совсем молодым пацаном влился в уже сложившийся коллектив матёрых зубров, имея некую особенность или способность важную для работы над проектом.

– Ага, он самый. Такое мог наворотить только он, и как это получалось, ни разу не объяснил. Никому! Я намекаю, учеников у него не было.

– Он же вроде помер давно уже? – усомнился Пётр. – Помню, ушёл по чистому, без метки. Не захотел связывать себя

с проектом. Нет, это кто угодно, но не Николай.

– Тогда кто, Петя? Ты знаешь другого мастера? А ведь группа запрограммирована так, что её сканер вообще не берёт – путается и глохнет.

– А возвратный поводок? Его-то вы должны были зафиксировать? Или хватку потеряли? – взорвался генерал, подскочив от возмущения в кресле.

– Почему потеряли? Обижаете, тов... Иван Павлович! Ещё как зафиксировали.

– И? Опять в кошки-мышки играешь? Давай без этих театральных пауз, Антон!

– Поводок есть, но он ведёт в никуда. Запутан через множество, не имеющих отношения друг к другу, объектов. Кстати, это была Колина идея. Помните, вы же сами ставили задачу – обеспечить полную анонимность возвратных агентов?

– Помню я, – поёжился Иван Павлович, – такое не забудешь. Комиссии сдаём проект, а приборы показывают, что он заслан из Канады. Я потом два дня оправдывался, что это маскировка, а не предательство, чуть погон не лишился. Забудешь такое.

– Давайте уже что-то решать, а то рыбный магазин закроется, – в голосе Антона звучало раздражение от неуверенности генерала.

Третий час переливали из пустого в порожнее и безо всякого результата. В былое время за такое давно бы к стенке

поставили, ну, или из Проекта выперли. Хотя, если честно, из проекта можно было уйти только в Проект, то есть отправиться в ту самую иную зону осваивать «Плацдарм» изнутри или, как вариант, забыть напрочь большой кусок жизни, связанный с Проектом.

Выборочно чистить память так и не научились, но «откатить» её к определённой точке в прошлом получалось. Почти всегда. В случае сбоя человек терял память целиком, превращаясь в идиота, точнее, в новорождённого – абсолютно чистая память, что хочешь, то и загружай. Одна проблема – чисто физически возраст не позволяет «вырасти» ново-явленному младенцу до нормального человека.

Прикоснувшись к тайне такого уровня, ты автоматически становишься собственностью Проекта со всеми потрохами и без права на помилование. Но Николаю разрешили уйти без метки. Потому что поверили – он реально сошёл с катушек, двинулся умом и в таком состоянии его ментальная матрица всего лишь клубок эмоций. Сможет подняться сразу в Верхний мир – его счастье, не потянет – растворится здесь, в ином мире, без остатка и следа, как дымок сигареты на ветру. Одна проблема мучила всех троих – никто лично трупа Николая не видел, только запись в журнале и отчёт о кремации тела.

– И что ты там, в рыбном магазине, забыл, рыбак? – саркастически поинтересовался генерал.

– Рыбу, Иван Павлович, ту рыбу, которую должен выло-

вить на рыбалке. Или вы хотите, чтобы я пришел домой с пустыми руками и без чешуи на плаще?

– Сдалась тебе эта рыба? – отмахнулся генерал. – Скажешь, клёва не было. Предлагаю группу ликвидировать и на этом вопрос закрыть. Нет тела, нет дела! Так?

– Придётся местных подрывать, сами понимаете, Иван Павлович, нам сейчас кого-то найти, да ещё заставить работать за идею – дело невозможное и даже бесполезное.

– Надо, значит, надо! Задействуй местных, Антон! Да, что я тебя учу? Ты у нас на оперативной работе сколько уже? Лет сорок? Тебе и карты в руки. Возможности у меня сейчас не те, но кое-что ещё могу. Связи... – генерал со значением ткнул пальцем в потолок.

– Лабораторию бы нам на время, – осторожно попросил Антон, кинув быстрый взгляд на Петра. – Моими приборами только кур смешить. Тут нормальные агрегаты нужны, да и препараты не из аптеки. Мы с Петей, конечно, справимся, но... – Антон потёр сухие ладошки. – Нам бы Кузмича подключить и Веру Павловну, если ваши связи ещё позволяют.

Генералу предложение Антона не понравилось, он нахмурился, не спеша с ответом, поморщился, будто откусил лимона.

– Обещать не буду, но попробую, – не очень уверенно ответил он. – Мы их давно не беспокоили, да и сами помните обстоятельства закрытия Проекта. Но попробовать оно, конечно, можно.

Присутствующим те самые обстоятельства помнились очень хорошо, поэтому иллюзий они не питали. При консервации проекта жена Кузьмича и любимый человек Веры Павловны попали под сокращение. У каждого был выбор – уход в Проект или очистка памяти.

Жена Кузьмича, Елена, красивая, холёная женщина, умирать не захотела, а вот забыть прожитые годы согласилась легко. Любовь у них была какая-то странная. Он от неё буквально с ума сходил, готов был на любые жертвы, выполнял любые капризы, а она принимала всё, как данность, как само собой разумеющееся. Доктор наук, профессор, руководитель оперативного отдела и лаборантка. Детей у них не было, Леночка не хотела портить тело, откладывала на потом рождение наследников. С закрытием проекта у неё началась новая жизнь, но уже без Кузьмича, тяжело переживавшего случившееся.

Вера Павловна влюбилась в своего Арсения именно за его страсть к работе. Он забывал о себе, погружаясь в исследования. Если бы не Вера, он мог спокойно умереть с голоду, забыв, что организм нуждается в питании точно так же, как батарея в подзарядке. Естественно, он выбрал уход в Проект, чтобы ни на мгновение не расставаться с любимой работой. Если до этого момента Вера Павловна ещё питала иллюзии, что однажды случится чудо и Арсений увидит в ней женщину, а не просто хорошего друга, то в прощальный вечер её мечты медленно сгорели на огне отчаяния.

Суть проекта «Плацдарм» заключалась в создании устойчивой связи с иным миром, то есть тем измерением, в которое попадают люди, точнее их ментальные матрицы или души, говоря по-русски, после смерти. «Плацдарм» – это в том мире, который после смерти. И перевод туда чаще всего означает реальную смерть в этом мире.

Чаще, но не всегда. Оперативников научились погружать в состояние глубокой контролируемой комы, чтобы их душа могла на время оказаться в проекте, окунуться в «Плацдарм», стать одним из тех, кто там пребывает постоянно. Но для таких пробоев требовалась масса специфической аппаратуры, в том числе медицинской. И даже в таких условиях случалось, что оперативник не выходил из комы, оставаясь в проекте навсегда. При консервации проекта все лаборатории закрывались, никто не планировал многолетнее содержание в коме тех, кого отправили в проект. Теряешь память или умираешь, третьего не дано. В стране денег нет на самое необходимое, не до сантиментов и проектов сомнительной репутации.

В советские времена денег не считали – сколько надо, столько и выделяют. Потому что не просто престиж страны, а смертельная опасность похлеще атомной бомбы, которую ещё доставить нужно к точке взрыва. Самолётом, ракетой, торпедой, но доставить, иначе не будет никакого толку. И на всём протяжении от точки пуска до цели средства доставки подвергаются риску поражения.

Другое дело – армия, вторгающаяся оттуда, где её никто и никак не сможет перехватить. Проникает сквозь любые за-слоны, не опасаясь ни минных полей, ни радиации, ни хи-мического оружия. Душа, вооружённая средством лишения противника самого важного – жизненной энергии. Был пре-зидент противной стороны жив и здоров, бодренько дикто-вал приказы о нападении, выделении средств на вооружения и в одночасье скончался. Просто умер. Экая досада! Бывает.

Агент выполнил задание, добавили ему в капельницу спецпрепарата, и вот он уже воссоединился с душой, шага-ет бодро по родному городу с чувством выполненного долга. И ни одна сволочь не предъявит ничего, потому что нечего и некого предъявить, не существует призраков. Точка.

Но и противник не жалеет средств, потому что из одного общего источника зачерпнули исходные данные в конце той самой страшной войны, когда наступающие войска наткну-лись на тайные лаборатории сверхсекретной фашистской ор-ганизации Аненербе. От увиденного волосы дыбом встава-ли, жить не хотелось, но война слабаков не терпит. Если ору-жие есть, его нужно совершенствовать. Сегодня это оружие только у тебя, завтра оно будет у противника.

И работали дни и ночи, отдавая все силы главному – без-опасности Родины. И сходили с ума, не в силах охватить це-ликом всю глубину безумной идеи нацистов. Солдат должен воевать даже после смерти! Им не хватило буквально пары лет, чтобы найти решение. Но и само решение ещё предсто-

яло превратить в чётко работающий проект. А это деньги, деньги и ещё раз деньги, которых стало не хватать уже при Брежневe. После его смерти денежный поток превратился в ручеёк, а потом и полностью иссяк.

Но остались те, для кого проект стал жизнью. Они отвечали за него не в силу приказов, которым всегда подчинялись безоговорочно, а потому что иначе быть не могло. Развалился Союз, а они продолжали верить, что о них вспомнят, позовут, возродят проект в полной степени. Верили, хотя видели, что государственные секреты уплывают на Запад не под покровом ночи, а вагонами и самолётами, в обмен на дорогую жрачку, водку и доллары. Но они продолжали верить, потому что другого пути у них не было.

Долгое молчание, погрузившихся в воспоминания участников группы контроля, прервал Антон.

– Давайте расходиться, а то меня жена домой не пустит, хоть с рыбой, хоть без неё! Попробую организовать им хлеб да соль, проверим, чем они дышат. За ночь защиту пульта управления не взломают, а там видно будет, что с ними делать. Разбегаемся?

– Расходимся, – проворчал генерал, недовольный тем, что подчинённые слишком легко принимают решения за него. – И без суеты, по очереди!

– Иван Павлович, ну, что вы как с маленькими? – деланно обиделся Антон, подмигнув Петру. – Чай не в первый раз замужем!

Они не сразу пришли в себя после сумасшедшего драйва – в глазах ещё мельтешили дома, деревья. Резкий контраст между стремительным полётом и полным покоем приводил в ступор.

– Зал для прощаний, – первым отозвался Михалыч. – А это ты, похоже, в гробу лежишь, – он дёрнул за руку Алину, растерянно оглядывавшуюся по сторонам.

Зал, если не считать гроба с покойной, был абсолютно пуст, словно церемония ещё не началась или уже закончилась и все разошлись в ожидании, пока служащие вынесут гроб к автобусу для поездки к месту упокоения.

Неожиданно, словно кто-то дал разрешение свыше, прямо из воздуха начали появляться детали, наполняя пустынный до этой поры зал людьми, звуками, запахами. Как из тумана, деталь за деталью проявлялось окружающее гроб пространство. Поначалу они дёргались, когда прямо рядом с ними возникал человек. Понимание призрачности существования ещё не стало привычкой, второй натурой, казалось, что сейчас произойдёт удар, но их присутствия никто не заметил, все были озабочены прощанием с лежащей в гробу девушкой.

Она и не заметила, как её буквально притянуло к гробу, какая-то незримая сила тащила всё ближе и ближе, напрочь

отметая нежелание увидеть себя лежащей в гробу. Тем не менее, она неожиданно впилась взглядом в знакомые черты, на автомате подмечая, какой макияж сделал мастер, и как бы она сделала по-другому, если бы...

Ей хотелось завывать в голос, упасть на грудь этой глупой девчонке, покончившей с жизнью столь безрассудно. Если бы можно было всё изменить, сделать шаг назад во времени и пространстве, она бы обязательно отступила от края. Но это нереально, как невозможно шагнуть обратно в жизнь из мира мёртвых. Она внимательно вглядывалась в лица окружающих, запоминая их так, словно и её саму совсем скоро похоронят вместе с телом.

Возле самого гроба во всём чёрном сидели на скамеечке пожилые женщины и девочка лет десяти. Картинка выглядела странной, создавалось ощущение, что невидимый художник жалеет красок, прорисовывая отдельные фигуры то штрихами, то лёгкими мазками, то полной, дышащей жизнью палитрой.

– Мама, бабушка и сестрёнка, – прошептала сквозь слёзы Алина. – А это соседи, вон там одноклассники тусуются за спинами.

– Странно, – сиплым шёпотом отозвался Михалыч, – если ты только что спрыгнула, как ты уже в гробу оказалась? Не бывает так, я это точно знаю, дня три нужно на всякие оформления. Так что пацан прав, где-то мы все мотались до этого дня.

– Михалыч, может, уже и больше, чем три дня прошло. Кто знает? Мы гадаем – вторник, четверг, воскресенье, кто скажет, сколько на самом деле времени прошло с момента нашей смерти? Ты когда спрыгнула? – он прикоснулся к плечу, погружённой в мысли девушки.

– А? Что? Утром, в воскресенье. Рано очень было. Все спали ещё. Я же говорила уже. И что из этого?

– Дата какая была? – Егору явно не хватало терпения.

Для него вопрос был совершенно прозрачен, потому что прямо в зале висело табло со временем и текущей датой. Для удобства скорбящих, по всей видимости, чтобы не забыли, когда именно произошло прощание с усопшим. Да и за временем удобнее следить, ведь на каждое прощание его отводится строго определённое количество.

– Я помню, что ли? – не понимая, чего от неё хотят, огрызнулась Алина. – Ну, четырнадцатое, вроде.

– На табло восемнадцатое. Так что по-любому нас сюда не сразу занесло. Ты ушла позже всех. Кому было нужно собирать нас в кучу именно сейчас?

Алина не обратила внимания на слова Егора, всеми чувствами погружившись в окружающие звуки, образы. Ей показалось странным, что стоило прислушаться к любому разговору, хоть самому отдалённому, как он тотчас приближался, удовлетворяя её любопытство. Пёстрый шум голосов, сморканья в платочки, всхлипывания и сожаления словно по команде отодвинулись в сторону, на первый план вышел раз-

говор двух парней, прячущихся за чужими спинами.

– Ваще, Толян, прикинь, не думал, что она такой душой окажется, – жаловался один другому, стараясь говорить настолько тихо, чтобы никому другому не было слышно.

– Чо, залетела? – с пониманием спросил Толян.

– Ага, прикинь, всего разок перепихнулись и сразу залёт, – он сплюнул от досады. – Я ей говорю, купи таблеток, сейчас всё таблетками можно сделать, раз и не будет ничего, как высморкаться.

– А она чо? – флегматично поддержал разговор собеседник.

– Чо? Сказала, рожать будет!

– Чо, в натуре? Дура что ли? Кто сейчас рожает?

– Ну, я ей уже и так и эдак, не догоняет, дура. А мне чо делать? Чо я родакам скажу? Ну, я сам таблеток купил, ей в коктейль подсыпал и все дела. А у неё крышу снесло, взяла и прыгнула дура! Хорошо, что сразу на глушняк, а то бы разборки с родаками, по ментам затаскали бы, жёниться на уродине заставили бы!

– Это кто уродина? – завопила Алина, кинувшись с кулаками на обидчика. – Получай, получай, получай!

Она молотила кулаками и ногами парня безо всякого вреда для него, руки и ноги проходили свободно сквозь его тело, не оставляя после себя ни малейших следов или ощущений. Парни продолжали болтать, не обращая ни малейшего внимания на суету вокруг себя.

– Вот же гнида, – возмутился Михалыч, – был бы я живой, ты бы у меня сейчас баланду хлебал, сучонок!

– Убей его, Михалыч! – девочка подскочила к полицейскому, умоляюще заглядывая в глаза. – Вдруг, пистолет может?

Михалыч не стал сопротивляться, привычно расстегнул кобуру, выдернул пистолет и выстрелил прямо в лоб обидчику Алины, явно не рассчитывая чем-то навредить парню. Дураку понятно, у призрака и пистолет призрачный, но иначе он поступить не мог.

Грохот выстрела произвёл неожиданный эффект, расплывшись в зале хрустальным звоном. Люди начали оглядываться по сторонам, Толян с дружкой сжались, стараясь быть незаметными, родственники встали со скамьи, и зазвучала грустная мелодия.

– Прошу присутствующих проститься с покойной и пройти на улицу, где вас ждут автобусы, – в голосе распорядителя звучала заученная печаль.

Всякому делу отводится определённое время: следующие на подходе, конвейер смерти работает без перерывов и кому-то нужно всё организовать, чтобы не было ненужной суеты и растерянности в столь сложный момент. Зал опустел, гроб накрыли крышкой и вынесли на улицу в катафалк.

– Значит, не сон, – хлопнула носом Алина. – Всё взаправду? Я ведь думала, он меня любит!

– Не сон, – отозвался Егор, начиная понимать, что с этими

людьми ему придётся быть вместе не один день.

– Ты на себя в зеркало смотрела, дура? – возмутился мальчишка. – Думала, переспишь и красавицей для него станешь? Ну, ты двинутая! Переспала и по-настоящему в окно прыгнула? Дура! – сплюнул пацан.

– Сам ты урод вонючий, наркоман проклятый, гад ползучий! – завопила Алина и накинулась на пацана с кулаками.

– Мать вашу, – подвёл итог Михалыч, отдирая её от перетрусившего наркомана. – Похоже, мы все покойники! По-настоящему! Так что хватит драться, нужно думать, что дальше делать!

– Сам дурак, тебя бы на моё место, посмотрела бы, что с тобой стало. Все вы хороши, пока не узнаете, что девочка залетела. Сразу задний ход врубаετε, типа «я же не собирался!»

Алина совсем сникла, упала на скамейку, сгорбилась, прижав ладони к лицу, плечи её вздрагивали от беззвучного плача.

– Чего мы тут торчим из-за какой-то дуры? – не сдавался пацан. – Сдохли и баста, карапузики! Ласты склеили и пошли все подальше! В стае выживает сильнейший, а не сопля зелёная. Это там вы были мальчишки-девочки, взрослые-дети, а тут все равны, потому что покойники!

– А не заткнуться бы тебе? – сейчас Егору было до глубины души жалко несчастную девчонку, выбравшую столь неудачный способ решения проблемы. – Ты и тут не особо вырос, раздуваешь щёки, а на деле пустое место и звать тебя никак!

– Чего это никак? – оскорбился пацан. – Корень я! Понял? Меня в стае все боялись, понял? Сейчас как врежу, соплями умоешься, падла! – он явно заводил себя потоком ругательств. – Все умоеется, харкать кровью будете!

– Слышь, пацан, или как там тебя, Корень, заткнись, пока зубы на месте! – Михалыч сцапал пацана за плечи и встрях-

нул его как куклу. – По виду нормальный, хоть и торчок, а ведёшь себя, как сямка последняя. Где ты там тусовался, в какой-такой стае? Соберутся, как шакалы, в кучу и наводят страх на людей – мол, мы сила! Дашь таким по соплям, сразу бегут к мамке жаловаться, что их полиция обижает!

Он оттолкнул его в сторону, демонстративно вытирая руки о гимнастёрку, словно прикоснулся к чему-то грязному и неприятному. Пацан хотел было ринуться на него, но не решился.

– Ты... вы все... волки позорные... чмошники... да я вас... – Корень умолк и отвернулся, явно утирая выступившие слёзы.

Ещё бы, ведь настоящие пацаны никогда не плачут. Все замолчали, рассевшись на освободившихся скамейках, как нахохлившиеся на морозе воробьи. Алина, казалось, и не дышала вовсе, лишь иногда вздрагивая, словно от холода. Корень, отвернувшись, застыл, как немое изваяние. Михалыч привалился к стене и тяжело дышал, подобно рыбе, выброшенной на берег. Егор утирал пот и тёр глаза, не понимая причин внезапного ухудшения состояния. Спрашивается, как им может стать хуже, если они уже умерли?

– И чего же так хреново стало? – неожиданно вскинулся пацан. – Ну, с этой ясно – увидала себя в гробу и сдулась, как шарик. А мне-то за что такое счастье? Я ж и не знаю её вовсе!

– Народ, что-то мне тоже поплохело, аж дышать трудно, –

признался Михалыч, с трудом поднимая потяжелевшую голову. – Может, того? Дальше помираем?

Егор прислушался к себе – он не сразу обратил внимание, что силы, настроение, желание думать как-то резко начали притупляться, словно кто-то...

– Стоп! А это кто? Эй, уважаемый, вы почему остались? – обратился он к старичку, старательно укрывающемуся за фикусом. – Все его видят? Эй, ты живой?

Глупо поступил, ежу понятно, что слова призрака для живого человека – звук пустой, но старик, как ни странно, его услышал.

– А чего? Нельзя? Я, вообще-то первый сюдыть пришёл! – напористо ответил старик, выйдя из тени. – Это моя территория, тут я охочусь, так что шли бы вы, пока я уравнителей не позвал, – с нескрываемой угрозой в голосе добавил он.

При этом его выцветшие от старости глаза перебежали с одного на другого, он явно боялся их. Давно невымытые волосы лохмами торчали из-под потерявшей форму фетровой шляпы, смотревшейся глупо в сочетании с валенками на босу ногу. Старик демонстративно держал руки в карманах старенького, кое-где протёртого до дыр плаща непонятного пегого цвета. Он был похож на петуха, которому положено быть главному во дворе, но боящегося всего на свете.

– Это на кого ты тут охотишься? – подскочил Михалыч, от злости почувствовавший неожиданный прилив сил.

– По ходу мы тут добыча, угадал, старикан? – Корень явно

настроился на драку, оглядываясь по сторонам на предмет кирпича или доски. – Он же у нас энергию сосёт, как вампир! Я в кино видел таких вурдалаков!

– Всё-всё, не будем ссориться, – старик явно напугался, но не сдался, мгновенно, как хамелеон, подстроившись под ситуацию. – Тут на всех хватит, – угодливо улыбаясь щербатым ртом, прошамкал он. – Новички? Только что откинулись? Ещё не в теме? Понимаю! Могу поделиться информацией за малый процентик, – он снова оживился, довольно потирая сухощавые ладошки.

– Поделишься и без процентика, – как отрезал Михалыч, – ещё должен будешь, понял?

– Так, стоп, давайте без угроз и наездов! – вступился Егор. – Что вы там, уважаемый, по поводу поделиться информацией говорили?

– Да, накостылять ему и пусть проваливает, – пацан кинулся к старику, с явным намерением исполнить задуманное, но покатился кубарем, споткнувшись о выставленную ногу Алины.

– Не суйся, чмо, не дорос ещё до мужских разговоров, – как оглашенная заорала Алина, непонятно откуда черпнув энергии.

Её лицо пошло красными пятнами, грудь вздымалась в приступе ярости, сжатые кулаки тряслись от желания врезать мальчишке за всё, чем он её обидел.

– Слушайте, – рявкнул Егор, привлекая внимание присут-

ствующих, – если мы умерли, сдохли, откинулись, склеили лапы, это не значит, что мы перестали быть людьми! Что вы знаете об этом мире? Ничего! У старика есть информация и она нам нужна! – Егор перешёл с крика на обычный тон, немного откашлявшись, продолжил. – Сядьте, просто сядьте и заткнитесь, если не можете нормально, по-человечески разговаривать!

Он дождался, пока все снова расселись по скамейкам, затем пригладил волосы, глубоко вдохнул и медленно выдохнул, успокаиваясь и приводя мысли в порядок. Работа программиста, да ещё в стрессовых ситуациях, когда проект уже сдаётся заказчику, а в коде выявлены ошибки, приучила его концентрироваться не на эмоциях, а на поиске моментального, эффективного решения.

Потом, после подписания договора можно будет выпить пивка, поплакаться в жилетку напарникам или девчонке, расслабиться и забыть о мозгодробительной суете запуска программы. А в момент опасности нужно, как это делают кошки, не бежать сломя голову неведомо куда, а сжаться, оценить обстановку, чтобы потом моментально принять единственно правильное решение и прыгнуть в нужную сторону, вложив в этот бросок все силы.

– Да, мы новички, мы ничего не знаем, готовы получить информацию! Что для этого нужно? – Егор говорил медленно, рубящим движением ладони как бы подтверждая сказанное.

Старичок смотрел на Егора с недоверием, с опаской, тянул паузу, словно ждал какого-то события или знака. Но, так и не дождавшись, пожевал губами и сухо произнёс:

– Энергия, молодой человек, просто энергия, здесь за всё платят энергией!

– Не говорите загадками! Какая энергия?

Егор, попав в роль просителя, чувствовал себя паршиво. Непонятные ответы старика злили его, заставляя терять самообладание, которым он так гордился.

– Та самая, – старичок ткнул пальцем в сторону Егора, – ваша энергия, – как для непонятливых детей пояснил он. – Все мы всего лишь энергия. У кого больше, у кого меньше. Хочешь жить, ищи энергию! – на его давно небритом лице мелькнуло подобие довольной улыбки.

– Жить? – удивилась Алина. – Мы же померли уже, мы же в раю или аду, если я правильно понимаю. Какая жизнь?

– Обыкновенная жизнь, – озадачился старик. – Как у всех. Или ты о другом? А-а-а, понял! Это всех с панталыку сбивает, кто на новенького, – он махнул рукой. – Бегают, выпучив глазёнки, кто котлы с чертями ищет, кому манну небесную подавай и сорочку белую. Только нету здесь ничего, – он развёл руками, – это же обычный мир, откель тут котлам и чертям взяться?

– Так мы... – Михалыч подхватился со скамейки и шагнул к старику с таким видом, что тот мигом ретировался обратно за фикус, – получается, что мы ещё и не умерли со-

всем? Типа в коме ещё или как-то там на грани между жизнью и смертью?

Все переглянулись, во взглядах искрами мелькала радостная надежда – не всё потеряно, ещё может что-то измениться. Кроме Алины, конечно. Она с тоской смотрела на окружающих, готовая снова заплакать.

– В смысле? Раз вы здесь, стало быть, померли, ну, или того, на грани, – испугавшись выражения лица Михалыча, добавил старик. – Мне это неизвестно, судари! Моё дело маленькое, работу делай, плати налоги и живи себе в своё удовольствие, пока не сдохнешь.

Его слова никого не обрадовали – ясно, что ничего неясно. Если и на грани, то ещё чуток и будешь за её пределом, нашу медицину все знают, тут не забалуешь без тугого кошелька. Живые и те постоянно на грани, а почти покойники, наверняка помрут, чтобы койко-место зазря не занимать.

– Ладно, а что значит быть в этом мире? В каком мы мире? Почему мы видим живых людей, мы призраки? – Егор спешил, словно кто его в бок пихал, подгонял, заставляя делать всё быстрее, пока есть такая возможность.

– Плата вперёд, – осторожно напомнил старичок. – Кто вас знает, вдруг вы мошенники? Я вас в первый раз вижу, никакого доверия не испытываю, а время, между прочим, трачу.

– Хорошо, бери плату, – моментально согласился Егор, принявший на себя по всеобщему молчаливому согласию

роль главного. – Что для этого нужно?

– Да, ничего не нужно – ты сказал, я забрал! – старичок явно повеселел и приободрился, раздумявшись, словно чаю с мёдом попил.

– А не многовато? – хрипло спросил Егор, чувствуя сильный упадок сил. – Ты бы хоть порциями забирал.

– Ничего, ты молодой, сильный, быстро своё наберёшь. А мне ждать некогда, того и гляди пропаду совсем, – он шмыгнул носом, скривился, вызывая сочувствие всем своим видом. – Стало быть, раз заплатил, мотай на ус и не говори, что мало сказано. Да, ты садись, парень, в ногах правды нет, а в твоих сейчас и подавно.

Старик, откашлявшись, начал неспешно рассказывать.

– Давно это было, а помнится, как вчерась. Вышедши я скотине сена подбросить, а впотымах и смех и грех наступил на грабли, упал и прямиком на вилы. Вроде как самоубийство, а с другой стороны – несчастный случай на производстве. Деревня наша – три двора, три кола, сам себе и кузнец, и пахарь, и доктор, и поп. Провалился до утра, никто даже и не хватился, что дед пропал. Может, и выжил бы, ежели какая зараза вспомнила, а так через пару часиков замёрз на смерть. Такая вот печаль жизни.

Он помолчал, словно заново переживая давнее событие, никто его не торопил. Да и куда торопить, если впереди вечность?

– Сижу я эдак вот возле своего тупа и думу гадаю, че-

го это меня никуда не тянет – ни вверх, то бишь в райские небеса, ни вниз, стало быть, на горячую сковородку за грехи мои тяжкие? Я ж любил при жизни и водочки выпить и с бабами покуролесить... кхм, это я отвлёкся малёха. В общем, схоронили меня...

– Слушай, дед, – перебил его Корень, – может, ты ещё про мамонтов расскажешь? Давай короче, ближе к делу! Какой тут расклад, кто главный, чего бояться, где чего брать?

– Торопыга, – ухмыльнулся, ничуть не обидевшийся дед, – сам такой в малолетстве был. Всё мне дай прямо с пылу с жару, невмочь ждать было. Ты, парень, пойми, скажу я тебе, что ты хочешь, так ведь ты всех вопросов не задашь, ты ж ничего об этом мире не знаешь. Усёк?

Пацан обиженно надулся, но не стал напирать.

– Да, не держи зла, парень! Если кратко, то не все попадают сразу в рай или ад – это понятно? Ага! А вот мне нет – не уверен я, что есть какой-то рай или ад. Потому как сама жизнь наша грешная она похлеще ада будет, а успокоился в земле и вона тебе чистый рай – за скотиной ходить не надо, пахать-сеять не требуется, детей на ноги ставить не нужно, от бабы проклятущей сбежал и потерялся. Ну, чем не райская жисть?

– И что, нам теперь тут вечно быть? Не хочу! – Алина, представив перспективы, готова была снова впасть в истерику. – Не хочу, отправляйте меня дальше, хоть в ад, но сразу!

– Ты, это, не спеши в ад, девонька, там, по слухам, ничего

хорошего-то нет. Котлы смоляные, да сковородки – это для дураков. Там что-то похлеще, чего все боятся пуще смерти! Да, и не могу я вас никуда отправить, я ж не Бог! Живу тут, пока по мне решение не примут.

– Ладно, не отвлекаемся, что там дальше? – подтолкнул Егор разговор в нужную сторону. – Что с энергией?

Старик поморгал глазами, словно потеряв нить разговора, поскрёб в затылке, сдвинув шляпу на нос, пробормотал что-то себе под нос, крикнул и продолжил.

– Энергия? Ага! Всё дело в ней проклятой! Мы ж теперь без тела, никто нам ту энергию, как при жизни, на блюдечке не принесёт, стало быть, хочешь жить, умей вертеться. Ищи, как той энергии добыть, да своей не потерять, потому как охотников много, а ты у себя один. Кто не спрятался, я не виноват! – он довольно захихикал, явно вспомнив момент кражи энергии у пригорюнившихся свежеупокоенных.

– Я же тут в похоронном зале чего обитаю? Ага, именно что! Человек, как чувство проявит, так у него душа-то и раскрывается, как кошелёк у простухи на базаре – берите, люди добрые, кому сколько нужно! Я человек не жадный, мне много не надо, возьму по чуть-чуть от каждого, у них не убудет, а мне на пропитание и налоги как раз уплачу.

– Чего? Какие налоги, дед? Ты с дуба рухнул? – возмутился Михалыч. – Балаболишь всякую глупость!

– Такие вот налоги, – сердито пробурчал старик и сплюнул под ноги, – обложили, как волков на охоте красными флаж-

ками. Сам не заплатишь положенное, всё заберут и уравниют с нулём, в смысле станешь ты никем и ничем.

– Откуда они знают, что ты энергию у кого-то взял? – насторожился Егор.

– Они всё знают! – уверенно ответил старик.

– Кто знает, кто заберёт? – Михалыч нахмурился.

– А вот они и заберут, – старик ткнул пальцем куда-то за спины слушателей. – Теперь с ними объясняйтесь, касатики, а я на сегодня свободен! Господа, четыре души и все ваши, – дед сиял, как начищенный медяк. – Надеюсь, наш уговор по-прежнему в силе? Десять процентиков мои, как обычно?

Дед мигом шмыгнул куда-то за фикус и пропал из виду, растворившись в пространстве. Вовремя смылся, потому как все четверо рванулись к нему, надеясь взять предателя за глотку. Не получив желаемого, в досаде обернулись в ту сторону, куда старик ткнул пальцем. Их взорам предстала странная троица.

– Сержант Петренко, предъявите документики, граждане! – вскинув руку к фуражке, потребовал худой и длинный как жердь гаишник, смешно двигая пышными усами.

– Петренко, что ты вечно со своими дурацкими документами лезешь? Откуда граждане документы тебе предоставят? Они же померли, Петренко! – возмутился низенький толстомордый мужичок, одетый в приличный костюм, с портфелем под мышкой. – Граждане быстренько назовут имя, фамилию, дату рождения и умертвия для постановки на налоговый учёт в нашем районе. Да, граждане?

Третий молчал, сосредоточенно протирая чистейшие хрустальные стёкла пенсне фланелевой тряпочкой. Не услышав ответа, он водрузил пенсне на нос и его пристальный взгляд холодным кинжалом впился прямо в сердце Егора, заставив его охнуть от невероятной боли.

– Когда с вами разговаривают представители власти, нужно отвечать быстро, чётко, по сути! – свистящим фальцетом

выкрикнул третий.

Егор припомнил, что именно так выглядел крайне комичный персонаж из фильма «Волга-Волга», некто Огурцов, вот только смеяться при виде этого чиновника не хотелось совершенно.

«Быстро встаньте в круг и возьмитесь за руки, объедините энергию!»

Слабый, едва слышный голос прозвучал прямо в голове Егора, заставив его оглянуться по сторонам.

«Быстрее, а то они вас сожрут с потрохами! Порознь вам с ними не совладать! Делай, что сказано, парень!»

– Эй, быстро в круг и дайте руки друг другу, делаем кольцо! Быстро, не спрашивайте, я знаю, что говорю! – он сам схватил за руки Михалыча и Алину, предоставив тем замкнуть круг через Корня.

На мгновение они заколебались, глядя на пацана с ненавистью, но тот не стал ждать и сам вцепился в них мёртвой хваткой.

– Не знаю, что ты задумал, но за базар ответишь, если нас сейчас грохнут! – пробормотал он негромко, поёживаясь от неприязненных взглядов соседей по кольцу.

«Повторяй за мной и пусть все говорят то же самое!»

– Сейчас я буду говорить, повторяйте за мной! – приказал Егор.

– Эй, вы, чем там занимаетесь? – всполошился гаишник. – Быстро к обочине! – он замахал полосатой палкой, словно

снова стоял на дороге в засаде, ловя будущих клиентов.

– Не безобразничайте, вы нарушаете порядок, вам будет назначен повышенный налог! – заверещал толстячок с портфелем.

«Мы круг, мы едины! Моя сила, твоя сила, наша сила!»

– Мы круг! – словно эхо подхватило слова Егора. – Мы едины! Моя сила, твоя сила, наша сила!

– Всякий, не подчиняющийся требованиям законной власти, подлежит уничтожению без права обжалования, – заявил чиновник и махнул рукой в сторону круга.

Гаишник направил в них полосатую палку. Толстячок, выхватил из портфеля печать, с довольным видом развернул её в сторону ребят и нажал скрытую кнопку. Чиновник резким движением выдернул из кармана пиджака нечто, похожее на толстую шариковую ручку. Из каждого предмета вырвался кинжальный поток ярко-голубой энергии, направленный в протестантов.

Потоки схлестнулись в непосредственной близости от ребят и закружились, не в силах преодолеть препятствие. Нечто невидимое, но чрезвычайно прочное отталкивало поток враждебной энергии, не позволяя ей впитаться в тела защитников маленькой Брестской крепости.

«Повторяйте дальше! С добром добро, со злом зло! Ко мне с мечом, получи мечом! За зло в ночи заплатят палачи!»

Только отзвенели последние слова, произнесённые воодушевившимся хором голосов, как всполохи энергии, пытав-

шиеся взломать защиту, неожиданно развернулись в обратную сторону и ударили в самую троицу, создав каналы, ментально забравшие у них энергию. Теперь уже троица засуетилась, отбиваясь от собственного порождения, пытаясь выбраться из него, словно из болота.

– Вы пожалеете... это невиданная наглость... мы ещё встретимся... – угасающие крики потерялись вместе с ними.

Едва видимые образы грозной тройки будто ветром вымело из помещения. В зале снова повисла вязкая тишина.

– Мне больно, – пискнула Алина, – отпустите руки, что вы их сжали, как тисками?

– Думаешь можно? – почему-то шёпотом спросил Михайч, обращаясь к Егору.

– Не знаю, но сразу они точно не прибегут, – неуверенно ответил тот.

– А здорово мы им наваляли люлей! – пацан смотрел на Егора, как на супергероя. – А ты откуда это узнал? Сам же говорил, что мы тут одновременно появились! Или ты тут уже бывал раньше и теперь типа вспомнил, да? Как этот, как его... а, Шварценеггер!

– Ничего я не вспомнил, – признался Егор. – Сам ничего не понимаю, мне кто-то как бы подсказывал, что нужно делать и говорить.

– Старик?

– Нет, однозначно, голос другой.

– А сейчас?

– Сейчас молчит. Эй, ты кто? Поговори с нами!

«А чего с вами разговаривать? Вы в порядке, я на боковую! Своё взял, от вас не ubyло, так что моё дело сделано»

– Послушайте, не уходите, нам нужно узнать, что делать дальше! Вы же расскажете? Мы заплатим, если нужно!

«Мне не платят, – голос явно обиделся, – я своё сам беру, сколько посчитаю нужным! И я вам не справочное бюро! Крутитесь, вертитесь, опыта набирайтесь – вам тут, судя по всему, долгонько жить придётся! Дорога путь покажет, беда жизни научит!»

– Почему долгонько? Для чего? Зачем мы здесь? Что нужно делать?

– Егор, ты с кем разговариваешь? – Алина заглянула ему в глаза. – Ты с нами или крыша поехала? Поговори со мной, Егор!

– Отстань, Алина, я говорю с тем, кто нам помог, он только со мной может общаться! Потерпи, иначе я ничего не узнаю.

– Это, ты бы отошла пока, – подскочил пацан, – видишь, человек с Богом разговаривает или с кем-то там верховым, не влезай, а то дураками помрём!

– Пошёл вон, дурак, не с тобой разговаривают!

– Ша, все замолкли, пусть он говорит со своими духами, если это делу поможет, – прикрикнул Михалыч.

– Да очень надо было, – обиделась Алина, – хотела помочь, но все такие гордые.

– Можно продолжать? – криво ухмыльнулся Егор, чувствующий звенящую пустоту в голове. – Голос ушёл, пока вы тут препирались. На прощание дал совет идти в мир и набираться опыта самим.

Двери, через которые вынесли гроб с телом Алины, захлопнулись. Открылись другие, на постаменте установили нового покойника, быстро привели зал в порядок и пригласили родственников. Зазвучала печальная музыка, зал неспешно заполняли люди, светящиеся красками чувств.

– Пойдём, что ли? – Михалыч неожиданно шмыгнул носом и утёрся кулаком. – Тоска тут смертная, – признался он. – На воздух хочется, на волю!

Не заморачиваясь на двери, они прошли прямо сквозь стену на высокое крыльцо похоронного бюро и спустились во двор, пропуская сквозь себя людей, со скорбными лицами поднимающихся в зал прощания. Странные, неприятные ощущения заставляли их вздрагивать всякий раз, когда чьё-то тело проходило сквозь них – словно разряд тока ударял в нерв. Люди, по всей видимости, испытывали нечто похожее. Они удивлённо оглядывались по сторонам, почёсывались, потирали «ушибленные» места, и, не придавая этому значения, спешили дальше.

Город поразительно наполнился жизнью с того момента, как они оказались в нём: он выглядел именно таким, как раньше – люди, бегущие по своим делам; машины, рычащие моторами на перекрёстках, стремящиеся вырваться вперёд хотя бы на несколько метров; мельтешащая повсюду навязчивая реклама; разноголосый птичий хор.

– Типа нам разрешили? – в голосе пацана звучало недоумение. – А раньше нельзя было? Не заслужили, типа?

– Мы же там, это, с теми тремя бились, – негромко напомнил Михалыч, почёсывая в задумчивости затылок.

– Ага, теперь нам рейтинг типа повысили и отвалили кучу артефактов, – заржал пацан, – ну, ты, старик, даёшь!

– Баба даёт ..., кхм, ну, ты понял, парень, – Михалыч чуть

не выматерился, едва сдержавшись в присутствии Алины, совершенно не заметившей их перебранки. – Было, не было, какая разница? Теперь видим и слышим – это же здорово! Почти как в жизни! – он словно уговаривал сам себя. – Пообвыкнемся, притрёмся, глядишь, заживём круче, чем при жизни!

– Кто-то ещё хочет посмотреть на себя в гробу? – словно невзначай поинтересовался Егор. – Или пока просто примем, как рабочую версию, мы померли на самом деле? У меня лично нет желания на свой труп любоваться. С детства покойников не люблю.

Все промолчали. Пока сам себя в гробу не увидишь, оно всё ещё может оказаться сном или той самой гранью. Конечно, слетай сейчас они всей гурьбой к каждому на место его «пребывания», сразу бы всё встало на свои места – кто на глушняк упокоился, а кто ещё борется за жизнь, балансируя на грани. Но одно дело предполагать, надеясь на лучшее, другое – совершенно точно знать, что тебя уже нет в живых и это никак не изменить.

Не сговариваясь, пошагали дальше. Почему всей компанией? Да потому что расстаться, значит, потерять единственную возможность хоть от кого-то получить помощь. Пусть никто ничего не знает, но вместе как-то веселее. Ещё и Егору повезло с кем-то пообщаться в самый трудный момент их «жизни», стало быть, есть надежда, что и в другой раз повезёт с помощником.

Они и не заметили, как забрели на заброшенный завод, расположенный в самом центре города. Денег у мэрии его снести не было, кого-то достаточно богатого, чтобы купить такую дорогую землю тоже, так и торчал печальным символом развала старый завод на виду у жителей и гостей города.

– Помогите! Хоть кто-то помогите! Спасите!

– Да, заткнись ты, шалава!

– Держи её, Крыса, а то останемся без сладкого!

– Не хочу, мальчики, не надо, я не буду!

– Как нашу водку жрать, так с радостью, а платить кто будет, Пушкин что ли? Ха! Слышал, Фанера, что она лепила, когда разливали? Так, мы её держим, ты Сивый первый получаешь оплату натурой!

Трое парней навалились на потрёпанного вида деваху, явно собираясь позабавиться с ней на полную катушку. Рядом валялись пустые бутылки из-под водки.

– Вы что стоите? – возмутилась Алина. – Они же её изнасилуют сейчас! Сделайте хоть что-то! Она же человек, хоть и алкашка!

Михалыч выстрелил в ближайшего парня, но пуля пролетела насквозь, не причинив тому ни малейшего вреда. Пацан попытался схватить доску, но руки прошли сквозь неё. Они растерянно смотрели друг на друга, старательно отводя взгляды от Алины. Как бесплотный призрак может помочь живому человеку?

– Давайте попробуем в круг, как тогда, – предложил Егор,

лихорадочно пытаюсь найти выход из положения.

Они сцепили руки, заорали в полный голос волшебные слова, что помогли в битве с уравниателями, но, как и следовало ожидать, никакого эффекта это не произвело. Парни уже сдирали с девки одежду, с трудом удерживая её на месте. Она сквозь зубы материлась, крутилась всем телом, пытаюсь вырваться из рук похотливой троицы.

– Вы все такие, мрази, сволочи, козлы вонючие, – заорала Алина, с ненавистью глядя то на парней, то на своих попутчиков. – Она же потом, как я, покончит с собой, а вы ничего не делаете, только смотрите!

– Слушай, ты это, не бери к сердцу, – Михалыч отводил глаза, мялся, не попадая пистолетом в кобуру. – Думаешь, у неё это первый раз? Да они только орут, а потом даже заяву не подписывают, мол, всё полюбовно было! Мы что сделать можем? Сама видишь, хоть все руки отмахай, они нас не почувствуют!

– Нужно им твою фотку показать, – неожиданно заржал пацан, – они бы тогда вперёд трусов отсюда удирали!

Ему так понравилась собственная шутка, что он свалился от смеха на землю и хохотал в голос, никого не стесняясь.

– Пойдём отсюда, – Егор потянул девушку за руку. – Это уже не наш мир, мы тут лишние, бесполезные, чужие! Понимаешь? Нет смысла из-за них переживать – не наша забота, не наша печаль! Понимаешь? Ну, пойдём к чёрту отсюда!

Ему самому было отчаянно противно оставлять эту ду-

рёху в беспомощном состоянии на потеху таким подонкам, но что могут сделать призраки в мире живых? Это не кино, где они творят чудеса, это реальный мир, другой мир, иной, не принадлежащий миру живых.

– А я не могу уйти, мне потом до конца... ну, долго будет в памяти это стоять! Понимаешь? – она непроизвольно повторила интонацию Егора, словно осуждая его за желание смыться от проблемы. – Мы так и будем наблюдать? – заплакала от обиды Алины. – Неужели нельзя ей чем-то помочь? Должны же быть способы! Егор, ты же умный, придумай хоть что-то!

– Что я придумаю? – он чувствовал, как от бессилия трясутся руки, противная слабость наполняет тело. – Мы всего лишь духи, понимаешь? Мы не можем им ничем помешать! Просто нужно принять, что есть их мир и наш, и они не пересекаются, пойми ты это, наконец!

Что за день выдался? Решай и решай проблемы, о существовании которых никогда не подозревал. А не хотите сами подумать? Говорят же – помер и закончились все проблемы! Какой идиот это сказал?

– Давайте им в уши заорём мертвецкими голосами, как в кино! Или в душу им влезем и на себя управление возьмём! Я бы не отказался сейчас с этой девочкой покувыркаться! А чо, они плохие, мы хорошие! – пацана просто распирало от желания оборжать ситуацию.

– Егор, не слушай этого идиота! Всегда находится ка-

кой-то выход, – девчонка вцепилась в рубашку Егора. – Полтергейст какой-то там, типа можно его за сердце схватить. Корень хоть и дурак, но мысль-то правильная, ты подумай, Егор!

В её голосе звучали умоляющие нотки, она действительно готова была на всё ради этой совершенно незнакомой ей девахи.

Дурацкий совет, но и стоять без дела было как-то противно. Егор молча подошёл к парню, пристраивающемуся между ног девушки, сунул руку в тело в районе сердца и сжал кулак, чувствуя, как что-то пульсирующее обволакивает его тёплыми потоками. Он рвал сердце из стороны в сторону, сжимал кулак изо всех сил, хватал за сердце двумя руками, но это не оказывало ни малейшего воздействия на парня.

– Что ты суетишься, Егор? – Алина подбежала к нему, опустилась на колени и заглянула в глаза. – Ты подумай, сосредоточься, у тебя обязательно получится!

Легко советовать, сами бы попробовали! Он замер, не убирая рук от сердца врага, прислушался к себе, ощущая живое трепетное тепло того кусочка человеческой плоти, что гнало кровь по жилам. Миллионы мельчайших клеточек ударами тока запускали механизм пульсаций, не прекращая это делать никогда, даже во сне. Потоки энергии омывали сердце, как морская волна прибрежный песок, а оно впитывало энергию и стучало ритмично, надёжно, каждую секунду, днём и ночью, всю жизнь до самой смерти.

Энергия! Болван, идиот, тупица! Зачем пытаться рвать то, что можно просто выключить, лишив его самого важного – энергии! Погруженной в сердце насильника ладонью он плавно потянул на себя потоки энергии. Легко сказать – потянул, на самом деле Егор всей душой сосредоточился там, в пальцах, сжимавших сердце врага. Ну же, ну, давай, иди ко мне, здесь русло шире, дно чище, теки без проблем, – уговаривал он реку энергии, омывающей сердце.

Поначалу неспешно, но с каждым мгновением всё быстрее и быстрее энергия, мчавшаяся к чужому сердцу, потекла через пальцы Егора, наполняя его багровой мутной пеной, вызывая чувство тошноты и отвращения. Парень вздрогнул, сердце его заработало с перебоями.

– Крыса, что-то мне поплохело резко... сердце... – Сивый матюкнулся хрипло и отвалился в сторону, прижав руки к груди. – Я это... пропускаю... парни...

– Сивый, ты чо? Ну, не хочешь, нам больше достанется, – ощерился довольный Крыса, и мигом занял место осрамившегося босса.

– Егор, тебе помочь? – воодушевилась Алина.

– Некогда, не сейчас, не мешай, справлюсь... наверное...

Чужая энергия не хотела приживаться в Егоре, в обычной жизни от плохой еды его бы вырвало, но как это сделать в новой реальности, что для этого нужно сделать? У него не получится, он физически не сможет принять в себя ещё одну порцию этого едкого пойла, переполняющего насильников.

Не осознавая до конца, что именно хочет сделать, Егор выплеснул чужеродную энергию в руку, направив весь поток в сердце Крысы. Вы видели, как взрывается воздушный шарик, если его слишком сильно надуть?

– Есть! – выдохнул Егор, чувствуя, как сердце Крысы задрожало в бешеном рваном ритме, заставляя того скорчиться от боли.

– Сивый, чо за хрень происходит? Я же сдохну сейчас, – хрипел он, с трудом дыша. – Неужто, водка палёная?

А что? Это мысль! Егор отпустил Крысу и взялся за Фанеру, чтобы подтвердить предположение его подельника. Теперь и Фанера отпустил девку, боясь лишний раз вдохнуть – его сердце выстукивало ритмы джаза, отказываясь работать, как обычно. Деваха, не веря неожиданному счастью, подскочила и, схватив остатки одежды, рванула, что было сил прочь. Егор, скинув остатки энергии в очухавшегося было Сивого, отошёл в сторону, чувствуя дикую усталость.

Только что полные сил и желаний крутые пацаны валялись без сил, вздыхая и охая, как сердечники со стажем, потеряв всякий интерес к жизни в любых её проявлениях.

– Круто! – восхитился Корень. – Научишь? Раз-раз и все в ауте! Как ты это сделал?

– Потом расскажу, – тяжело дыша, слабо отмахнулся Егор. – Очень надеюсь, что это нам не пригодится.

– Ещё как пригодится, – с воодушевлением поддержала пацана Алина. – Мы же сейчас человека спасли, понимаешь?

Никто не мог этого сделать, а мы... точнее ты, Егор, это сделал! Мы теперь...

– Что теперь? Народную дружину организуем? – вмешался Михалыч, в голосе которого не слышалось ни капли восхищения подвигом Егора. – Оно нам надо? Нам бы найти того, кто скажет, что дальше делать? Если у кого-то в одном месте свербит, давай, вперёд, а я за свою жизнь уже с этим дерьмом наборолся – пора и отдохнуть, раз помер. Весь мир не переделаешь!

– Как вы можете так говорить? – возмутилась Алина. – Если бы мне кто тогда помог вот так, я бы сейчас...

– Ты бы сейчас нашла ещё сотню способов отправить себя на тот свет, – не стал ждать окончания выговора Михалыч. – Думаешь, ты такая одна? Ошибаешься, девочка! Только её из петли достанешь, она топиться надумает, спасут её, вены режет! Если у тебя в башке только один способ решения всех проблем, ты и будешь всякий раз именно так избавляться от них, и никто тебя не спасёт!

– Хам! – обиделась Алина. – Сам дурак!

– Может, уйдём отсюда? – прервал их ссору Егор. – Надоело смотреть на эти рожи, если честно! Хочется к людям, к свету. И Михалыч прав – нам нужно найти того, кто всё знает, так что топаем к людям, а там, как получится.

– Клёвый план, мне нравится и, главное, думать не нужно. Прямо как у Колобка – катишься себе по дорожке и решаешь проблемы по мере их прихода. Эх, блин, сейчас бы кур-

нуть для куража, – пацан, закрыв глаза, втянул воздух носом, словно и в самом деле затягивался косячком. – Нет, не получается. Думал, тут чудеса бывают, представишь что-то, оно и получается.

– Ага, рай для наркоманов, – подколола Алина. – Не хватало нам ещё обкуренного в компании.

– А я в компанию к истеричкам не набиваюсь, – обиделся Корень, – можем хоть сейчас разбежаться в разные стороны. Что молчишь? Давай, решай, ты же у нас умная.

– Ну, и вали, торчок противный, – лицо Алины скривилось от нескрываемой ненависти, – велика потеря! Да от таких, как ты одни проблемы, сами не живёте и другим жить не даёте! От вас в школе проходу нет, за каждым углом дурь малышам впариваете, подсаживаете на наркоту с малых лет. Ненавижу! Убивала бы таких, как ты!

– Ну, давай, убивай! Спроси у своего другана, как людей валить и убивай! Вот он я, не убегаю, даже сопротивляться не буду, только я уже сдох, и ты, кстати, тоже. И я никому дурь не толкал!

Алина, отвернувшись, замолчала, всем видом показывая, что ей гордость не позволяет спорить с таким, как Корень. А тот стоял, сжав кулаки, готовый напасть или отбиваться, в зависимости от дальнейшего развития событий. Егор махнул рукой и пошёл прочь, не оглядываясь. За ним потянулся Михалыч, на ходу поправляя портупею. Алина с Корнем постояли, наблюдая, как удаляются их друзья по несчастью,

затем практически одновременно кинулись следом, перегоняя друг друга. Одному дома хорошо, а в незнакомом месте страшно и неудобно, тут любой случайный попутчик в помощь будет.

– А повежливее нельзя? – истерично заорала женщина в ярком красном платье, на которую неожиданно налетел Михалыч. – Оденут португеею и прут, как на танке! – выговаривала она остолбеневшему полицейскому. – Вам дороги мало? Я же видела, вы специально в меня врезались!

Одета она была не современно, но элегантно, как это было модно годам в пятидесятых. На вид не старше сорока лет, стройная и подтянутая, как спортсменка, при этом голос выдавал человека облечённого властью или близкого к ней.

– Это... я не думал... – оправдывался Михалыч, как школьник перед директором. – Обычно же ничего... а тут как-то раз и стукнулись...

– Ну, то, что вас думать не учили, это заметно, – женщина поправила съехавшую набекрень шляпку, кокетливо проверила причёску и совершенно другим тоном продолжила. – Новенький? Боже, какая прелесть! Вы служили в милиции?

– В полиции, кхм, служил, да, – поправил Михалыч. – Позвольте представиться, старший лейтенант Добров Степан Михайлович, – он от усердия даже подмётками сапог щёлкнул, как заправский гусар. – Погиб при исполнении, так сказать! – со значением добавил он, гордо выпятив грудь.

– Настоящий мужчина! – восхитилась дама, сложив элегантно ухоженные руки перед высокой грудью. – Нинель!

Можно просто Ниночка! Надеюсь, ваше сердце свободно и открыто для любви?

– Для чего? – Михалыч был несказанно ошарашен. – Я же умер! – сообщил он факт, о котором Нинель, похоже, забыла.

– И что из этого? – Ниночка мило улыбнулась, от чего на её щёчках образовались милые ямочки. – Любовь в душе, она не может умереть! Разве вам этого не говорили? Ах, какая прелесть! Вы такой наивный, Степан Михайлович, прямо, как мой первый муж. Он тоже всё твердил, что есть работа и семья, а всякая там любовь совершенно лишнее.

Казалось, Михалыч скоро совершенно утонет в этих бездонных голубых глазах с длиннющими загнутыми ресницами. Он только моргал и уморительно шлёпал губами, не в силах вставить хотя бы словечко в бурную речь Ниночки.

– Степан Михайлович, познакомьте же меня со своими друзьями, – буквально приказала Нинель, по-хозяйски взяв ошалевшего Михалыча под ручку.

– Егор, программист, – представился Егор, поспешив на выручку онемевшему соратнику.

– Э-э-э, а про... программист... – это приличное занятие? Незнакомое слово, знаете ли, как-то похоже на авантюрист, ха-ха-ха, – она так мило и беззаботно рассмеялась, что у Егора даже не появилось желаний обижаться за сравнение.

– В нашем времени многое делают особые машины, их называют компьютеры, а мы пишем для них специальные задания – программы, по которым они работают. Поэтому моя

профессия программист не имеет ни малейшего отношения к авантюристам, – он понимал, что для Ниночки его слова звучат непонятно и абсурдно, но с чего-то нужно начинать.

– Алина, учусь в школе, – девушка сделала некое подобие книксена, оробев под Ниночкиным напором.

– Корень, ой, Корней, то есть, типа учусь тоже, – замялся пацан.

– Ах, а что это на вас надето, Корней? – Ниночка озадачилась одеждой пацана. – Как-то оно вам не по размеру, разве так удобно?

– Вообще, без проблем, самый клёвый прикид!

– Прикид? Куда прикид? – не поняла Нинель пацанского сленга. – Вы это будете кидать?

– Ну, это типа так модно, – пояснил Корней, вызвав на лице Ниночки гримасу недоумения.

– Это модно? Молодой человек, вы не знаете, что такое модно, – заявила она безапелляционно. – Вот мой последний муж был начальником областного управления торговли. Я могла себе позволить шить на заказ у лучших портних города из тканей, которые даже не появлялись на прилавках магазинов. Это было модно! А то, что надето на вас, можно сразу выбросить. Но я понимаю, что тут вы бессильны.

– В смысле? Чего это я бессилён? – надулся Корней.

– Не в этом смысле, молодой человек, просто, в чём сюда пришёл, в том и будешь до последнего часа. Понятно? – она мило улыбнулась Корнею и сразу же переключилась на Али-

ну. – Дитя моё, вам должно быть неуютно среди мужчин в ночной сорочке?

– Это не сорочка, это платье и, между прочим, очень дорогое и модное... в наше время, – уточнила она, поджав губки.

– Ну, не знаю, вот форма, – она лёгким движением руки провела вдоль фигуры Михалыча, – форма в любое время красит человека. А всё остальное так переменчиво, так зыбко. Сейчас лето, солнце, так приятно гулять в платье, а представляете, как я себя чувствую в промозглую осень или зимний мороз? Все идут в сапогах или валенках, а я в лодочках на каблуках! Бр-р-р! Нет, мне не холодно, если вы это хотели спросить, но как-то неуютно, противно, одиноко! Степан Михайлович, коварный вы мой, так что насчёт сердца и любви? Мы можем вот так, рука об руку, вдвоём идти дальше. Каким будет ваш положительный ответ?

Совершенно растаявший от близости роскошной женщины, считающей его образцом мужественности и эталоном моды, Михалыч кивал китайским болванчиком, витая при этом мыслями где-то в небесах.

Егору его вид показался несколько странным – крепкий мужик выглядел, как кисейная барышня, разморившаяся на жарком солнышке. Если бы не крепкая поддержка неожиданной спутницы жизни, он бы вполне уже мог лежать у её ног, продолжая улыбаться столь же умильно и глупо.

– Михалыч, номер табельного оружия? – спросил Егор,

заглядывая в глаза полицейскому. – Давай-давай, вспоминай, ты его должен наизусть помнить!

Во взгляде Михалыча осмысленности не появилось, он будто находился под воздействием алкоголя или наркотиков, судя по расширившимся зрачкам, слабому дыханию и отсутствию реакции на внешние раздражители.

– Молодой человек, что вы пристали к Степану Михайловичу? Со мной ему не понадобится никакого оружия, – Нинель улыбнулась широко, хищно прищурив огромные голубые глаза, отчего вид её стал похож на волка, защищающего добычу от соперников.

Добычу?! Егор схватил Михалыча за руку и тотчас почувствовал, как из него мощно потянуло энергию, словно где-то включился огромный пылесос. У Нинель затрепетали ресницы, она глубоко задышала, получая ни с чем не сравнимое наслаждение от прибавки молодой живительной энергии.

– Пошла прочь, тварь! – закричал Егор и рванул Михалыча на себя, стараясь вырвать его из цепких объятий модной хищницы. – Помогайте мне, она его опустошит до нуля, если не разорвём контакт!

Корней схватил Михалыча за ремень и дёрнул вместе с Егором, но хватка Нинель была крепче бульдожьей.

– Не отдам, он мой! Уйдите или всех уничтожу, – зарычала она, ощерившись, готовая укусить любого, до кого дотянется.

Она сунула было руку в сумку, как будто собираясь до-

стать оружие, но передумала, решив двумя руками удерживать лакомый кусочек.

– Щенки, вы ничего не знаете, ничего не умеете, вы корм для нас и не более того! Бегите и поживёте сколько-то ещё, пока не попадёте в зубы другому долгожителю!

Алина не стала присоединяться к Егору, она кинулась напрямик к Нинель и попыталась вцепиться ногтями в её холёное личико. Та инстинктивно закрылась руками, защищая самое дорогое, что есть у каждой красивой женщины – внешность. Корней с Егором моментально оттащили Михалыча в сторону и не отпускали из рук, пока тот не начал помаленьку приходить в себя. Алина увернулась от встречной атаки Ниночки и быстро юркнула под защиту мужчин.

– Не особо и надо было, – фыркнула Ниночка, отряхиваясь и приводя в порядок платье. – Ещё пожалеете, Степан Михайлович, что не приняли моего любезного приглашения. От вас не сильно и ubyло, просто с непривычки поплохело. А я бы вас всему научила, жили бы душа в душу. Эх, не понять вам мужикам одинокого женского сердца! Городок у нас небольшой, Степан Михайлович, может, свидимся ещё.

Она гордо вскинула подбородок и неспешно удалилась прочь, делая вид, что ничего особенного только что не произошло ни с ней, ни с кем бы то ни было ещё на этой улочке. Мимо них по-прежнему проходили люди, некоторые, совершенно не замечая скульптурную композицию «Спасение

рядового Райна», другие, оглядывая их с явным интересом.

Но никто не кидался к ним с предложением помощи или советом, как жить в этом новом непонятном мире, полном опасностей. Эй, ангелы, вы где заблудились? Это не ваша работа сопровождать нас в мире усопших? Молчат! Видать, нет здесь ни ангелов, ни архангелов – крутись сам, как можешь!

— Степан Михайлович, как вы, с вами всё хорошо? — жалобно причитала Алина. — Что ж вы так неосторожно, как же сразу не раскусили эту воровку?

— Кто ж её знал? С виду приличная женщина, никак на мошенницу не похожа, — неловко оправдывался Михалыч. — Да и расслабился я, не каждый день в такой переплёт попадаешь. Спасибо, что не бросили, — прослезился полицейский, — а то я уж думал кранты мне полные. Сил никаких, ни рукой шевельнуть, ни слово сказать, но умом-то всё понимаю — ещё бы чуть-чуть и до донышка вычерпала бы стерва. А что потом?

— Кто его знает, — нахмурился Егор, давно размышлявший над тем же вопросом. — Если рассуждать логически, то мы сейчас всего лишь душа, то есть энергия в чистом виде, разумная энергия. Если энергию забрать...

— То и нас не станет вовсе, — шёпотом, прижав ладошку к губам, закончила рассуждение Алина.

— Я, может, и двоечник, но в батарейках разбираюсь, — заявил Корней. — Мы вот ходим, бродим, что-то там шурудим-бороздим, а батарейки садятся. Так?

Егор согласно кивнул.

— Если не найдём способ, как батарейки заряжать, полюбому исчезнем без следа. Я, конечно, за своих жизнь отдам,

но согласишься, что из-за этой байды со старухой и ментом мы, вообще, могли в ноль выпасть. Без обид, Михалыч! Просто ещё один такой фокус и некому тебя будет подзаряжать, понял?

– Ну, мы же можем забирать энергию у всяких неприятных типов, как тогда на заброшенном заводе. Правда, Егор? Ты же можешь? Ты же нас научишь? – во взгляде девушки было столько отчаяния, что Егор напрягся.

– Хорош страхов нагонять, – прикрикнул он на Корнея. – Раз уж мы вместе, будем до конца друг друга прикрывать, согласны? – он дождался, пока кивнёт Корней и продолжил. – Та энергия, которую я отбирал у бандитов, не годится для подпитки – от неё тошнит и жить не хочется, всё равно, что тухлятины наелся.

– С голодухи и это сгодится, – не удержался Корней. – Будешь выбирать, сдохнешь! И вообще, как они с нами, так и мы с ними – кто нам мешает заряжаться от таких же, как мы? Закон джунглей, кто сильнее, тот и выжил!

– Мы не они, – возмутилась Алина. – Нам совесть не позволит! Они такие же бедолаги, ищущие выход, это нечестно обирать тех, кто слабее нас. Я лучше умру, чем сделаю такое!

– Почему у слабых? – не сдавался Корней. – Мы же можем вот таким стервам, как Ниночка, устраивать засады. Только нужно заранее подготовиться, потренироваться и тогда...

– Не тронь Ниночку, – Михалыч грохнул кулаком об асфальт. – Мал ещё её судить, сопля зелёная! Ты поживи спер-

ва столько, сколько она прожила при жизни, помайся ещё столько же здесь, а потом судить будешь. Ниночка, может быть, и стерва, но других способов выжить не знает, потому что одна в этом мире, а нас четверо.

– Ага, давайте сопли распускать, а я не хочу сдохнуть из-за ваших заморочек. Тоже мне совестливые попались! Небось при жизни, Михалыч, не брезговал по карманам шарить у таких, как я, когда на блатхатах рейды проводили? Думаешь, я не видел, как ваши это делают? И ничего, живут себе праведники, блин, – Корней сплюнул от досады и засунул руки глубоко в карманы штанов, всем видом выражая презрение к мнению собеседников.

– Нам сейчас важно остаться командой, – негромко, заставляя к себе прислушиваться, произнёс Егор. – Когда у меня родители умирали в онкологии после аварии на химкомбинате, я хотел сделать что-то, чтобы их спасти. Если бы я мог, отдал бы им свою жизнь, лишь бы они выжили. Но я мог только смотреть, как они медленно угасают. И тогда мне казалось, что, умирая, они словно отдавали мне что-то. Мы были семьёй, и они до последнего боролись за меня, понимаете?

– Я и не знала, что ты родителей потерял, – грустно сказала Алина.

– Это не самое важное. Сейчас мы решим, как нам жить дальше и будем ли мы вместе идти до конца? Как-то так получилось, я всё время командую – привычка, постоянно при-

ходится что-то организовывать. Поэтому с вашего общего согласия беру на себя роль координатора, главного, командира – не важно, как назвать, важна суть: если я сказал делать так, вы делаете! Согласны?

Последним, явно не очень убеждённый, но не желающий идти вразрез с общим мнением, кивнул Корней.

– Мы уже играли один раз в эту игру, но тогда было как-то спонтанно, и мы ни о чём не договаривались. Сейчас я отхожу вон туда, – Егор махнул рукой в сторону киоска по продаже шаурмы, – кто хочет быть в команде, подходит. Согласие означает, член команды не будет нарушать неписаных правил – совесть, честь, честность, один за всех и все за одного. Звучит пафосно, по-пионерски, но по сути правильно. И наказание за нарушение этих правил одно – изгнание. Не хочешь жить, как принято, живи по своим правилам, но без нас. И не спешите принимать решение, подумайте, чтобы потом не говорили, что не поняли сказанного.

Егор отошёл к киоску, старательно лавируя в потоке людей. Случай с Ниночкой показал, среди обычных людей есть такие же, как они и с ними столкновения вполне реальны. Отличить одних от других он пока не умел, поэтому на всякий случай уклонялся от всех. Долго ждать не пришлось – Михалыч и Алина подошли практически следом, Корней держался чуть дольше, но, обнаружив себя в одиночестве, с независимым видом подошёл к киоску.

– Ты с нами или просто тут стоять удобнее, – язвительно

осведомилась Алина.

– С вами, – буркнул Корней, – один сдохнуть ещё успею.

– Вот и отлично, – Егор, довольный результатом, улыбнулся.

Ему удалось слепить из этих практически никаких попутчиков команду, навыки помогли и в этом мире, он по-прежнему может управлять другими людьми к своей пользе, а это не может не радовать. Что бы там не светило в конце пути, лучше иметь попутчиков, готовых исполнять любой твой приказ, чем самому подставлять грудь неприятностям. Теперь немного сладкого, чтобы склеить отношения.

– Если честно, я здорово трусил, когда ушёл к киоску, – в этот момент Егор был совершенно искренен. – Но рад, что не ошибся, в тебе особенно, Корней. Не знаю, как ты жил, но в тебе есть то, чего нет в нас – ты хорошо знаешь изнанку жизни. Да-да, Степан Михалыч, ты тоже, но с другой стороны. А мы с Алиной, как бы это сказать, чистенькие и очень правильные. С нашими талантами в джунглях не выжить. И не надо дуться, Корней, я понимаю, что в белых перчатках за жизнь не дерутся, но постараться придётся.

– Ага, командир, придётся, только зачем? – не удержался от вопроса Корней. – Понимаешь, я всегда считал, что умер и всё, баста, карапузики, кончилось кино, свет погас, в землю закопали, надпись написали. А вот это сейчас зачем? Может, как-то не мучиться и сразу всю энергию занулить или отдать бедным, как тебе нравится? Мы же померли уже, зачем вся

эта байда?

– Зачем-то надо, так мир устроен, – пожал плечами Егор. – Я не знаю и тебе не отвечу, но и зануляться, не разобравшись, не буду. Алина вон занулилась при жизни, это правильно, Алина? Что скажешь? Если бы снова оказалась в той же ситуации, что бы ты выбрала – жизнь, пусть и с неприятностями, или окончательную смерть?

– Жизнь, – вздохнула Алина, – тогда бы всё можно было сделать иначе, а я раз и поставила точку, не начав писать книгу жизни. Вы оказались здесь случайно, а я сама выбрала этот путь, понимаете? Знаете, что чувствуешь, когда смотришь с шестнадцатого этажа на асфальт у дома? Ещё не прыгнул, ещё не летишь, а уже проживаешь каждый метр, представляешь, как асфальт встречает твоё хрупкое тело. И всё равно отталкиваешься и падаешь, понимая, что уже ничего не изменить. Ни-че-го! А это, может быть, шанс именно изменить? Понимаете, кто-то даёт нам возможность сделать нечто, пройти какое-то испытание и начать жить заново! Вдруг?

– Ну, ты загнула, – поёжился Корней, – хотя, кто его знает? Действительно, а вдруг? Ты, командир, что думаешь?

– А что он может сказать? – заступился за Егора Михалыч. – Надо разобраться, осмотреться, людей поспрашивать, что-то и прояснится со временем.

– Не людей, а таких же мертвяков, как мы, – настырно уточнил Корней. – Люди нас не видят и не слышат, а мы их

запросто? Почему? Я плотный, ты, – он ткнул пальцем Михалыча в живот, – плотный. С Ниночкой ты столкнулся, а почему мы с ними не сталкиваемся? Что могут сказать мертвяки? Если та же Ниночка столько лет здесь трётся, значит, попали мы с вами, ребята, надолго. И меня только одно интересует, где тут заправочная станция с энергетическими батончиками?

– Тебе это точно сейчас нужно узнать? – скривилась, как от лимона Алина. – Что это нам даст? Так устроен мир! Можем и мертвяков спрашивать, если тебе нравится так нас называть, но по мне лучше и нас тоже называть людьми. Мне лично так приятнее!

Они препирались уже больше часа, так как настырный Корней желал сейчас и здесь решить все вопросы, прежде чем двинуться в путь.

— Смотрите, что с ними? — крик Алины отвлѣк спорщиков, готовых уже пустить в ход кулаки, как последний аргумент.

— С кем? — недовольный Корень не скрывал раздражения. — С мертвяками, что ли?

— С детьми, дурак! Вон там мальчик и девочка сидят у стенки, — она повернула Корнея в сторону кафе «Бегемот и Кошка». — С ними что-то не так!

— Ну, иди и спроси, мы тебе зачем? — отмахнулся пацан, совершенно не собираясь решать чужие проблемы.

— Все пойдѣм, Корней, потому что это может быть засада, — пресѣк бунт на корабле Егор.

Они подошли ближе. Мальчик лет десяти и девочка не старше пяти лет сидели у стены кафе, безразлично глядя на проходящих мимо них. Но не это было странным, подумаешь, устали и решили отдохнуть. Нет, если внимательно посмотреть, становилось заметно, что фигурки словно колышутся на ветру, порой теряя очертания, превращаясь в мутные сгустки тумана.

— Они умирают, — Алина вцепилась в плечо Егора так, что тот поморщился от боли, — мы должны им помочь!

Не спрашивая ничего разрешения, Алина кинулась к мальчику и схватила его за руку. Тот вздрогнул, во взгляде мелькнуло удивление, он задышал глубоко и неожиданно оторвал руку Алины от себя.

– Ей дайте! Олечке важнее, я подожду...

Алина схватила Олечку за руки, и та сразу порозовела, обрела плоть, задышала, глаза её раскрылись широко и удивлённо. Корней, делавший вид, что его совершенно не касается происходящее, рванулся к мальчику, готовому распасться на клочки серого тумана, схватил за руки, уже теряющие плотность. Егор присоединился к ребятам, а следом подключился и Михалыч, сам ещё не пришедший в порядок.

Дети только что не светились от обилия энергии и странное дело – ребята не чувствовали убыли её у себя. Словно некая магия наполняла их по мере помощи страдающим детям.

– Я же тебе говорил, Сидоров, найдётся жила, а ты в землю ушла, самоед её пожрал. Эх, Сидоров, нету в тебе оптимизма!

– Оптимизма во мне до хрена и больше, товарищ Ложкин, но я сторонник реализма, а не шапкозакидательства. Если бы эти товарищи не потянули на себя поток, хрена бы жила открылась при всём твоём оптимизме, товарищ Ложкин.

Обернувшись на разговор, спасатели детей обнаружили двух электриков самого рабочего вида – с мотками провода

на плечах, клещами и небольшой стремянкой. Они спокойно наблюдали что-то через чёрное стекло, периодически записывая показания приборчика, висящего на груди одного из них.

– Что, граждане, наобнимались? Уступите место специалистам, будем жилу, вами обнаруженную, к сети подключать. Ежели есть регистрация, можете в районной конторе по этой вот квитанции получить свои проценты за находку, как положено.

– Чего находку? – почесал в затылке Михалыч. – Кабель что ли закопанный?

– В какой конторе? Что за регистрация? А сколько процентов? – от посыпавшихся на них вопросов электрики пришли в недоумение и раздражение.

– Вы читать умеете? Тут ведь русским по-белому написано, – они одновременно ткнули пальцами в плакат на стене, – что и как положено делать свежеупокоенным. Для вас, между прочим, пишут! Деревня!

Егор мог поклясться, что только что никакого плаката на стене не было, он обладал фотографической памятью, что выручало его в случаях, когда компьютер был недоступен, а нужно было отыскать проблему в тысячах строк кода программы.

– Вы бы отошли, граждане, и детишек своих заберите, не мешайте производству работ!

Что-то бормоча себе под нос, электрики деловито втыкали

штыри прямо в асфальт, соединяли их проводами с неожиданно обнаруженным в сплошной стене щитком, докладывали кому-то о подключении по телефону, вынырнувшему из той же стены, как по приказу.

– Центральная? Центральная? Девушка, что вы в разговор вклиниваетесь? Дайте мне Центральную! Кто говорит? Инженер Ложкин говорит. Что значит, все заняты? А я сейчас линию рубану, и все освободятся напрочь! Ага, кто-то уже свободен? Так соединяй, чтоб тебе пусто было!

– Алло, Центральная! Жилу на Кирова подключили. Да, хорошая жила, богатая, месяца на два при экономном расходе всему району хватит. А ежели не всему? Ну, зависит от нагрузки, вы же понимаете. И это ещё, тут находчики имеются, которые жилу вытянули, так что придётся поделится с ними. Это тоже учитывайте там у себя в конторе. Ну и премию как полагается за ударный труд. Мы с Петровым всегда готовы, вы же знаете, товарищ Цымбалюк?

Услышав фамилию начальника, Петров напрягся, вытянулся в струнку, смахнул пыль с комбинезона, словно Цымбалюк мог неожиданно явиться лично и устроить досмотр персонала.

– Никак нет, товарищ Цымбалюк! Как можно? Мы же понимаем... и меру... и ответственность... да... есть... обязательно... – было видно, что разговор с начальством Ложкину был не в радость. – Алло... алло... странно, трубку повесил, – он вопросительно глянул на Петрова.

– Давай по маленькой, чтобы не нарушать традиции, – предложил Петров. – Важное дело и не обмыть, всё насмарку пойдёт!

– Точно, – согласился Ложкин и достал из чемоданчика обычную пустую бутылку из-под водки.

Затем прислонил горлышко к одному из штырей и приложил к доньшку что-то напоминающее магнит из динамика. Голубая вязкая субстанция нехотя полилась с конца штыря прямо в горлышко, заполняя бутылку доверху. Петров во время священнодействия уже приготовил гранёные стаканчики, в нетерпении сглатывая слюну.

– Ну, разливай! – скомандовал Петров, протягивая стаканы.

Ложкин аккуратно наполнил подставленную посуду и оба, предварительно втянув носом некий божественный, судя по выражению их лиц, аромат, выпили до дна.

– Эх, едрёна корень, люблю я нашу работу, Петров, – расчувствовался Ложкин, – вот за такие моменты люблю! Ещё по маленькой?

– Нет, товарищ Ложкин, ты же знаешь, меня дома жена ждёт и тёща, будь она неладна. Обе на ладан дышат, а я сам в одно горло эдакий эликсир вылакаю? Я ж не алкаш, Ложкин!

Его товарищ отвечать не стал, закрыл горлышко своей бутылки стеклянной пробкой, затем заполнил тем же способом вторую бутылку и молча передал её Петрову.

– А нам? – жалобно спросила Алина за всех присутствующих. – Нам можно набрать про запас? Когда мы ещё до конторы доберёмся и зарегистрируемся? Мы здесь, вы здесь, жила здесь, что мешает?

– Порядок! – со значением подняв палец вверх, важно ответил Ложкин. – Не будет порядка, придёт анархия. Вам нельзя, а у нас традиция, стало быть, дуйте в контору и регистрируйтесь. Я правильно говорю, товарищ Петров?

– А что нам мешает просто забирать отсюда энергию сейчас? – вклинился в разговор Егор. – Мы же только что черпали из неё, сколько хотели! Вы уйдёте, мы ещё возьмём, сколько получится.

– Именно что не получится, – хмыкнул Ложкин. – Умных много, но на каждого умника есть своя пломба. Вот она, видишь, умник? С момента подключения к сети энергию из жилы можно получить только через сеть при официальном подключении. А это значит...

– Нужно регистрироваться, – нестройным унылым хором отозвались открыватели жилы.

– Сейчас, судя по живометру, – инженер глянул в приборчик, – той энергии у вас под завязку, знатно черпнули, больше не получится, ежели запасного хранилища нет, – Ложкин со значением постучал ногтем по бутылке «Столичной», переливающейся голубыми всполохами.

– Ой, дети пропали, – всполошилась Алина. – Только что здесь были и как сгинули!

– Чего же они сгинули? – удивился Петров. – Пока вы тут за мир во всём мире агитировали, они домой к мамке пошли. Я эту семейку знаю, долго не протянут, потому как мать-алкашка, через неё они все тут и оказались – печку не протопила, и замёрзли все в доме ночью. И здесь без толку обитает, сама пропадёт и детки сгинут. Вот вы сейчас их подкормили, они дома с мамкой поделаются и опять на паперть – другого пути у них нет, потому как несовершеннолетних на учёт не ставят, если при них родитель есть. Прямой путь им в нежить, прости Господи. Сегодня повезло им, а завтра грань перейдут и всё, пиши одной проблемой больше.

– Но это же неправильно, несправедливо, – возмутился Михалыч. – По сути, нет у них никакого родителя, брошенные они, ничейные. Неужто нет какой-то соцслужбы, чтобы таких детишек в приют принять?

– Что за нежити? – насторожился Егор, которого слово с корнем «смерть», как-то царапнуло по сердцу.

– Граждане, в порядке поступления запросов! Нету у нас соцслужбы, товарищ, тут вам не коммунизм, а развитая загробная жизнь. Хочешь жить, работай, пользу приноси. Нет от тебя пользы, нет и питания от сети! А нежити, они же недоморты, они же изгои – мусор, на грани распада, едрит их в корень. Сами не живут и другим не дают, зараза такая!

– Да чтоб вы сдохли с такой системой, – выругался Михалыч. – Я понимаю, там наверху всё порушили, капитализ-

ма им захотелось, ядрён батон! Но тут? Это же загробная жизнь, тут бог, ангелы какие-то, архангелы! Вы тут что, сдурели все?

– Будете выступать, сами нежитями станете, а то и вовсе занулитесь...

Петров с Ложкиным помаленьку отодвигались от разошедшегося Михалыча, опасаясь попасть под горячую руку старого полицейского, пережившего не одну реформу своего ведомства.

– Михалыч, ходу отсюда, – заорал Корней, дёргая того за пояс. – Они какие-то красные кнопки жмут, сто пудов ментов вызывают! Ходу!

Егор, схватив в охапку опешившую от неожиданности Алину, собрался было рвануть за Корнеем и Михалычем, но неожиданно врезался в какую-то прозрачную, совершенно непреодолимую преграду. Что-то болезненное вонзилось в мозг, заставив его выпустить Алину из рук и схватиться руками за голову. Затем раздался оглушительный звон и, как сквозь ватную подушку донёсся голос Корнея:

– Михалыч, тащи их прочь, а я прикрою! Получите, гады!

Егор автоматически переставлял ноги, находясь в состоянии полной прострации. Кто-то тащил его за собой, едва слышно матерился и ощутимо дёргал при смене направления. Ему трудно было оценить время, но вскоре они остановились и ему дали возможность сползти на землю.

– Вроде оторвались, Михалыч?

– Вроде того, Корней, – отозвался Михалыч. – А ты откуда эти штуковины взял, которыми ментов... кхм... ну, тех парней гонял?

– У Ниночки подрезал, – тоном невинного младенца признался Корней. – Пока вы там шуры-муры разводили, я в сумочке пошарился и так, на всякий случай, эти странные цилиндрики прихватизировал. Думал, безделушки дорогие, можно продать при случае, а как прижало, решил в тех мент... ну, парней кинуть, а оно, Михалыч, как жахнуло. Не поверишь, я сам чуть в штаны не наложил со страху, – он рассмеялся, потом закашлялся. – Только эти штучки, Михалыч, энергию не по-детски сосут из человека. Мне бы сейчас та бутылочка не помешала.

– Ну, тогда держи, герой!

– Откуда, Михалыч? Ты что...?

– От верблюда. Пей и не спрашивай! Я у Ложкина прихватизировал, как ты выражаешься. Ему без надобности, а нам пригодилось. Ты только всё не вылакай, Егору с Алиной тоже досталось, пока мы тот колокол рубили.

К тому времени, когда Егор пришёл в себя, в городе наступила ночь. Сил хватило только открыть глаза. Они сидели на холодном асфальте в какой-то подворотне, скрытые от прохожих старыми ржавыми, крашеными, по всей видимости, только со стороны улицы воротами. Скрытая в глубине двора одинокая лампочка только подчёркивала мрачность обстановки и не улучшала настроения.

– Почему мы сразу не умерли? – мысли в голове Егора двигались медленно, как снулые рыбы. – Неужели все так мучаются? Может, и мы сейчас отмучаемся? Устал-то я как? – ему не было страшно, даже бояться не хватало сил.

Всё произошло слишком быстро даже для сна. Кошмары ему снились и раньше, но никогда не были столь навязчивы и правдоподобны. К тому же он никогда не увлекался призраками, некромантией и прочей ерундой, а тут валится на голову только эта тема.

Он снова мысленно вернулся к моменту аварии, понимая, что она ему точно не приснилась. Зелёный свет для пешеходов, замершие перед зеброй машины, он выбегает впереди всех, потому что должен успеть на маршрутку и боковым зрением видит приземистую жёлтую машину, летящую по встречке прямо в него.

Мгновение, растянувшееся в вечность – метр за метром

в абсолютной тишине жёлтая торпеда надвигается на него, ударяет, заставляя взлететь в воздух. Он кувыркается, смешно вскинув руки, и врезается головой в стекло, успевая заметить, сжавшуюся в комок на месте водителя девушку. Она бросила руль и начала поднимать руки, пытаясь закрыться от летящего в неё тела. Затем удар и темнота.

К бабке не ходи, выжить после такого удара маловероятно. Так что никакой это не сон, как бы ему не хотелось верить в обратное. Смерть, но странная, непонятная, непривычная для восприятия – в книгах писали про другое, на деле получается полная ерунда. Как может человек после смерти страдать также, как при жизни? Дышать трудно, всё тело ноет, хочется пошевелиться, но свинцовая тяжесть приковывает к земле.

С трудом вдохнув, он прислушался к окружающим звукам. Михалыч спал, привалившись к стене, и даже весьма правдоподобно храпел во сне. По другую сторону от Егора негромко разговаривали Алина с Корнеем.

– А я всё равно не верю, что умерла! Пусть хоть сто раз покажут меня в гробу – это просто сон! Мне и раньше снилось, что я умерла, вот не вру, правда! Чего смеёшься?

– Забей, не смеюсь я, просто холодно. Мне тоже кажется, это чистая лажа, кумар пройдёт и всё вернётся обратно. Только не хочется, чтобы всё закончилось.

– Почему? Это же здорово – мы вернёмся к жизни! Это же

круто!

– Ага... круто... Это у вас чистеньких правильных всё круто, а мне не хочется туда обратно. Вот, если бы всем вместе вернуться куда-то в другое место и всё с самого начала начать. А? Как тебе такой расклад?

– А как же мама, бабушка, сестрёнка? Их бросить что ли? Они же будут переживать!

– Ну, да. А мои родаки обо мне вспоминают только, когда нужно вытащить из ментовки. У них дела, бизнес, тусовки. Ты думаешь, вот Корень тупой такой, диггер из помойки, да? А ты знаешь, если бы я просто захотел, у меня бы в каждом классе одни пятёрки были.

– А чего тогда?

– А запахло потому что, усекла? Пай мальчик, типа хорошо учится, одевается модно, весь из себя послушный и примерный, а выкусите! Им назло туплю, родакам в отместку, чтобы хоть раз заметили меня не потому, что в ментуру вызвали, а просто так. Да я в стае человеком стал, потому что мы все друг за друга, если надо на ножи пойдём за любого из нас. Поняла?

– Корней, ты только не обижайся, но страшно мимо таких, как вы проходить, вы же действительно, как стая, вы же можете кинуться в любую минуту!

– А с кем мне ещё быть, Алина? Из стаи мне уже не вырваться, с этим строго. Нормальным тоже не стать – репутация, блин! В армию загреметь или от наркоты сдохнуть,

больше вариантов нет.

– И что, здесь тебе лучше?

– Не здесь, а с кем? Да, лучше!

– Но мы же не можем вечно спать? Мы же всё равно когда-то проснёмся, Корней! Если это случится, давай встретимся!

– Думаешь, мы потом вспомним что-то? Я как проснусь, сразу сон забываю, а после таблеток в голове вообще пусто.

– Мне бабушка гадала, что я умру в полёте, – после недолгого молчания негромко сказала Алина. – Странно, да? Боялась самолётов, а погибла действительно в полёте. Если честно, её считали выжившей из ума, а она меня по головке гладит и говорит: «Не ходи, деточка, высоко, летать ты не умеешь! Жалко мне тебя, да силы уже не те, чтобы других спасать. О Боге пора подумать, хоть он нас и забыл вовсе!»

– Ты думаешь, он типа есть? Забей, сказки это! Кому мы нужны? Кто за нас мазу тянул и на небушко типа увёл? Нет никого, фуфло гонят, чтобы боялись – типа сверху долбанёт злой дядька, и окочуришься в момент.

– Не говори так, Корней, – жалобно попросила Алина, – ну, ты же можешь нормально разговаривать!

– Ну, типа, это... могу, конечно... – пацан неожиданно смутился. – Я это... по привычке...

Алина помолчала, словно собираясь с мыслями, затем продолжила едва слышно, говоря только для Корнея, но слова всё равно достигали ушей Егора.

– А я не знаю, не уверена, что его нет. Иногда так хочется, чтобы он был, а сейчас особенно. Почему он нам не помогает, Корней? Ну, я провинилась, но ведь родители детей за грехи в угол ставят, а не так, как с нами – бросил на произвол судьбы, что хотите, то и делайте! За что он с нами так?

– Откуда я знаю? У меня самого родители, как тот бог, им тоже до меня особо дела нет. Но ты не бзд... в смысле, не бойся – я рядом, значит, всё будет окейно.

– Ага, – согласилась Алина, – ты хороший.

В ночи повисла длинная пауза, Егору показалось, что пацан всхлипнул, но звук был настолько тихим, что он решил – послышалось.

– Почему... почему мне никто там этого ни разу не сказал? – в голосе пацана звучала неприкрытая тоска. – Понимаешь, если бы хоть кто-то мне там, при жизни вот так сказал, думаешь, я бы подсел на синтетику? Почему твой бог не заставил их сказать мне это там? Не нужен мне такой бог!

– Нельзя так, Корней, а вдруг он есть и просто нас испытывает? Мне бабушка говорила, в любом человеке есть своя сила, просто он о ней не знает, да и не хочет знать. Пока не придёт час, пока его жизнь не заставит, он о себе ничего не узнает. Для того и есть в жизни испытание.

– Ага, сама-то веришь в бабкины слова? – хмыкнул пацан недоверчиво. – Получается, ни в тебе, ни во мне нет этой внутренней силы? Слабаки мы? Если испытания не выдержали и сами по своей воле сдохли? Так получается?

– Не знаю... я не думала... оно само получилось, – призналась Алина. – Может, и нет во мне этой силы.

Они замолчали надолго, задумавшись каждый о своём. В тишине попытка Егора немного сменить положение вызвала эффект разорвавшейся бомбы.

– Ой, Егор, ты очнулся?

– Старик, как ты? Мы думали, тебе кранты, в натуре!

– Молодёжь, что за выражения? Мы не можем умереть, потому что...

– Михалыч, не болтай глупостей, ещё могут быть варианты, – Егор с умилением смотрел на свою небольшую команду, переживавшую за него так искренне, словно они были знакомы не несколько часов, а целую жизнь. – Ещё поживём!

Не за деньги, не по договору, не потому, что он кому-то должен что-то сделать, а просто так – переживают, потому что за эти несколько часов они стали ближе друг другу, чем родственники. Какая-то неземная благодать истекала от всех них, было тепло и уютно, как в детстве, когда мама баюкала на ночь.

– Ты, Егор, хлебни вот из бутылочки живительной водички, – Михалыч подсовывал ему к самому носу горлышко и придерживал, не давая в руки, не надеясь на его силы. – Давай, глоточек, потом лучше пойдёт! Алинка вон уже живее всех живых, и ты будешь!

С каждым глотком Егор чувствовал себя всё бодрее

и сильнее, словно живой воды отпробовал – тело наполнялось живительной энергией, думалось легко и свободно, хотелось подпрыгнуть до небес и ухватиться за звёзды.

– Стоп, хватит, – он решительно отодвинул бутылку. – Ещё пригодится! Вы лучше расскажите, как нам удалось выбраться из той передраги?

– Представляешь, хотел швырнуть в них цилиндрик, а из него как вырвется луч, как шарахнет, они аж покатались по асфальту кеглями, – Корней размахивал руками, глаза его горели от воспоминаний, он снова находился в гуще драки. – Михалыч тебя схватил и попёр, как танк! Алинку я цапнул и, как Шварц, на ходу отстреливался от гадов.

– Вот не совру, если бы не Корней, быть бы нам всем в камере сегодня. Ну, или где ещё! Я ж думал, всё, приплыли, спецназ по нашу душу прибыл, сейчас руки заламают и упекут в клетку. И нате вам, здрасьте, этот вылетает чёртиком из коробочки и давай шмолять, как из бластера. Я такое только в кино видел, если честно!

В голосе Михалыча было столько искреннего восхищения, что Корней смутился, спрятал глаза, начал ковырять пальцем дырку в асфальте.

– Оба молодцы, – поблагодарил Егор. – Если бы не вы, нам бы точно каюк пришёл. Но что-то мне подсказывает, после разборок с тройкой, а теперь и с этим спецназом, как вы их назвали, в городе нам делать нечего. Вот не удивлюсь, если наши рожи уже на каждом столбе висят с обещанием награды за поимку.

– Ну, это да, я бы так и сделал на их месте. Если фотографий с камер нет, можно фоторобот составить, – согласился

Михалыч.

– Каких камер, Михалыч? – удивилась Алина. – Кого на них снимать, нас что ли? Мы же призраки!

– Ага, а ты видела, как у них ловко всё появлялось? – упёрся Михалыч. – Вот тебе щиток, вот тебе инструкция! А клещи, провода? Не удивлюсь, если у них и камеры понатыканы в каждом углу, только нам их не видно. Так что, теперь ходи и оглядывайся, чтобы под раздачу не попасть. Да нас тут кто угодно за пайку продаст, если уж пошла такая пьянка.

– И что нам теперь всю жизнь по подворотням прятаться? – возмутился Корней. – Нам бы только подзарядиться, мы им устроим трам-тара-рам!

– Как-то мы неправильно в этот мир вошли, не с той ноги что ли, – посетовала Алина. – Вон эти же все живут и горя не знают, небось с регистрацией никаких проблем. Не хочу жить в подворотнях, может сдадимся? А? Ну, правда! Что они нам сделают? Ну, накажут как-то, зато потом будем как все! А?

– Кому сдаваться? Этим обормотам? Ты sdурела совсем? Там разбираться не будут, им проблемы не нужны – без нас всё было в порядке! Как думаешь, что нужно сделать, чтобы снова стало, как раньше? – Михалыч явно разозлился на предложение Алины. – Сама допетришь или на пальцах показать? Высовываться нельзя и долго мы тут в подворотне не просидим. Языка брать нужно и срочно выяснять обстановку!

– Оба сбрендили, – разочарованно хмыкнул Корней, – одна сдаваться собирается, другой в партизаны решил податься. А просто поболтать с людьми нельзя? Они же не все одним миром мазаны! Вот хоть прямо сейчас пойти и просто поговорить с первым встречным! Кто нас ночью узнает, кому мы сейчас нужны?

– Давайте не спешить с выводами, – остановил спор Егор. – Утро вечера мудренее, поспим, а там что-то в голову обязательно придёт. Мы сейчас взбудоражены, мозги всмятку, эмоции зашкаливают. В таком состоянии придумаем себе проблем ещё хуже того, что есть. По себе знаю, проверено на практике!

– Если мы спим, как же мы уснём ещё раз? – не сдавалась Алина.

– Знаешь, – улыбнулся Егор, – после одной весёлой свадьбы друга мне удалось уснуть раз восемь или больше, я даже со счёта сбился, если честно, потому что страшно стало.

– В смысле, что страшно? – не поняла Алина. – И как можно уснуть во сне?

– Можно. Понимаешь, во сне всё кажется реальным, вот абсолютно всё, ты словно живёшь в этом сне и, соответственно, там наступает вечер, потом ночь, а потом...

– Ты засыпаешь? – неуверенно продолжила Алина.

– Ага, – Егор улыбнулся своим мыслям. – А потом тебе снится сон и... проходит ещё один день... потом ещё и ещё. Но самое интересное начинается, когда ты просыпаешься!

– Ну, проснулся и что из этого? Умылся, зубы почистил и на работу, что тут интересного? – Михалыч явно был не в духе.

– Эх, Михалыч, не хватает тебе фантазии! Просыпаешься ты не на самом деле, а в одном из тех снов, в которые погрузился, понял прикол? Это как несколько уровней, ты уходишь ниже, ниже, ниже, а потом всплываешь, но всякий раз перед тобой такая реальная реальность, что ты не можешь отличить её от настоящей жизни. Понимаешь, Михалыч, никак не можешь, вот совсем никак!

– Так не бывает, – недоверчиво покрутил головой полицейский, – разве что у психов или нариков.

– Не, у меня тоже так не было, – признался Корней, с интересом слушающий Егора, – а дальше что?

– Во-о-о-о-т, это самое неприятное. А дальше я просыпался и засыпал, каждый раз считая, что делаю это в реальности и сбился со счёта – на каком уровне нахожусь, когда же наступит настоящее пробуждение? Такая жуть навалилась, аж выть захотелось, только как это делу поможет? В общем, как-то удалось выбраться, проснулся в реальности и ещё час, наверное, не верил, что сон закончился. Ждал, что вот сейчас опять обнаружится что-то, как календарь на стене с живыми картинками из одного сна, и выяснится, что я всё ещё во сне.

– Так мы же тоже можем быть в таком сне, – у Алины загорелись глаза. – Я же тебе говорила, – она толкнула Корнея в бок, – мы ещё можем проснуться!

Потом смутилась и погрузилась, вспомнив, что тогда они никогда больше не встретятся.

– А давайте друг другу о себе расскажем всё, чтобы потом, проснувшись, встретиться? Хоть кто-то запомнит и остальным расскажет! Хорошая идея? Ну, Корней, классная же идея?

– Знаете, что самое плохое в жизни? – негромко спросил Михалыч. – Вот только привыкнешь к своей мечте, прикипишь к ней душой, всем сердцем, а она окажется пустым фантиком, потому что с самого начала ничего в этой мечте не было. Не хочу я, ребятки, чтобы вы понапрасну себя сказками тешили, потом больней будет, во сто крат больней. Лучше не верить, но делать всё для своей мечты, тогда и будет радость, о какой не мечтал. Но вы молодые, у вас свой ум, нечего вам стариков слушать! Спать, так спать, я готов хоть сейчас, только сколько не храпи, а сон не идёт, проклятый!

Все замолчали, погрузившись в грустные размышления, но неожиданно противно скрипнули давно не мазанные петли ворот, и в образовавшуюся щель юркнул мужичок довольно неопрятного вида. Он торопливо подбежал к стене, у которой все сидели и начал лихорадочно расстёгивать штаны, явно собираясь облегчиться им прямо на головы.

– Он нас, похоже, не видит, – пискнула Алина, прижавшись к Корнею всем телом.

– Зато мы его видим слишком хорошо, – буркнул тот, – валим по-быстрому, пока он нам себя с неприятной стороны

не показал.

Никто не стал спорить, все рванули с места, словно на спринтерской дистанции, не заметив, что мужик, так и не ставший делать задуманного, довольно хмыкнул.

– Отсидеться они решили, – проворчал он, глядя вслед удирающим, – нет у вас времени, дорогое ваше времечко, успевать нужно, ребяташки! – мужик помахал им вслед и растаял в воздухе, словно и не было его вовсе.

Несмотря на поздний час, улица не выглядела безлюдной. Трудно сказать, что нужно всем этим людям, сидящим на лавочках, бредущим вдоль освещённых витрин магазинов, несущихся с деловым видом куда-то в ночь.

– Прекратите на всех тарашиться, – прошипел Егор, – и не жмитесь в кучу! Михалыч, ты бери левее, я справа пойду и чуть сзади, а ты Корней с Алиной изображайте парочку, – тут он невольно ухмыльнулся, – у вас это сейчас хорошо получается.

– Очень надо, – вскинулась Алина, решительно отодвигаясь от Корнея, всё ещё крепко прижимающего её к себе, – да, отпусти ты меня!

– Не отпущу! Егор дело говорит! Ничего с тобой не случится, а так нас не сразу выловят.

Алина надулась, но вырываться перестала, хотя поджатые губы и вздёрнутый нос слишком явно выражали недовольство, чтобы кто-то этого не заметил.

– А как мы узнаем, кто здесь живой, а кто как мы? – поинтересовался Корней, обращаясь к Егору.

– Нашёл, кого спросить, откуда я знаю?

– Да проще простого, – хихикнул довольный своей сообразительностью Михалыч. – Учись, молодёжь!

Он решительно оторвался от группы и зашагал к весёлой

компании, устроившейся у давно не работающего фонтана. Парни были сильно навеселе, нестройно звенела гитара, пьяные голоса старательно выводили рулады популярной блатной песенки, почему-то называемой в нашем обществе шансоном. Веселье, несмотря на поздний час, было в полном разгаре и парням хотелось приключений, но улица именно в этом месте была до обидного пустынна.

– Мужики, закурить не найдётся? – громко спросил Михалыч, перекрывая пьяный хор. – А то так выпить хочется, что переночевать негде!

Как и следовало ожидать, никто не обратил ни малейшего внимания на шутки старика. Точнее, почти никто.

– Ну, ты даёшь, мужик, – заржал наголо бритый детина, сидящий в самой гуще весёлой компании. – На приключения нарываешься, старый?

Легко спрыгнув с бордюра фонтана, он двинулся в сторону Михалыча, засучивая рукава рубашки. Быстро набирая скорость, кинулся на старика, собираясь разделаться с ним, сбив с ног, но сам же полетел навзничь, не сумев увернуться от подсечки.

В тот же момент Егор прыгнул ему на спину и заломил руку, а Корней вцепился в ноги, лишая возможности перевернуться. Михалыч зашёл со стороны головы и, опустившись на колени, коротко врезал парню в ухо. Тот замычал от неожиданности и боли – слишком быстро перевернувшаяся ситуация сбивала с толку. Здоровяк никак не мог решить,

что ему делать – орать, вроде как, не имело смысла, освободиться не получалось, а вот получить по морде он успел.

– Какого чёрта? – заорал он, дико вращая глазами. – Да я вас на английский флаг порву, кровью умоетесь...

Михалыч молча врезал в другое ухо.

– Это для симметрии, природа любит, когда всего поровну. Но, будешь дальше выступать не по делу, получишь прямо в харю безо всякой геометрии, но от души. Ты просто поверь, парень, ну, очень хочется!

Парень поверил быстро, потому что заткнулся и сглотнул, глядя на Михалыча, как побитая собака.

– Есть вопросы, – сухо, без эмоций, пояснил Михалыч, – ответишь и проваливай! Будешь упираться, я из тебя бифштекс сделаю. Ты же сам видишь, понимаешь, где я работал и как хорошо умею это делать. Ну, ещё по ушам или поговорим?

Если бы не явный перевес сил, здоровяк порвал бы Михалыча на куски, но сейчас он отчаянно трусил и даже не пытался скрывать этого.

– Поговорим, – дрожащим от страха голосом согласился здоровяк. – Спрашивайте, только энергию не забирайте! Я вас узнал, про вас уже все знают, за вас большую награду дают, сказали, что вы уравнили уравнителей, а за это сразу вышка без права на помилование! Я ж вам ничего не сделал, – скулил он, совершенно не напоминая самого себя буквально минуту тому назад.

– Посмотрим на поведение, – пообещал Михалыч, переглянувшись с Егором. – Давно здесь?

– Месяцев шесть, сразу после Нового года откинулся, – поспешил сообщить здоровяк.

– А почему в летней одежке? – засомневался Михалыч. – Зимой откинулся, а сам, как на лето одет.

– Дык, я пьяный был, – затараторил парень, – бухло кончилось, я в ларёк ломанулся, а ключи взять забыл. Ну, водки взял, до подъезда добежал, тык-пык – ключей нет и ларёк закрылся, а на улице никого – все уже спят. Я для тепла ещё водки хряпнул, да и уснул прямо там же у подъезда на лавочке. Вот уже тут очнулся, типа помер я, замёрз, окочурился, – он аж слезу пустил от жалости к себе.

– А здесь, что делаешь? Чего с живыми трёшься?

– Как чего? – здоровяк смотрел на Михалыча с недоверием, словно тот задал глупый вопрос. – Мне ж как-то выживать нужно? А от регистрации энергии только на поддержание штанов хватает, – пожаловался он, – вот и добираю в таких компашках. Повезло, что один тут оказался, а их много, за ночь на неделю вперёд зарядился... бы...

– Работать не пробовал? – в сердцах сплюнул Михалыч.

– Где? – искренне удивился здоровяк. – Я ж не работага, мозгов особо нету, а в местную ментуру не берут, говорят, биографией не вышел. Хотел братву разыскать, закорефаниться, как при жизни, при делах встать, да они меня чуть самого не занулили сразу. Так что я, как крыса послед-

няя, по таким вот помойкам шарюсь, чтобы не сдохнуть совсем. Не убивайте меня, а? Всё расскажу, что хотите, только не убивайте!

– Заладил, как кукушка, – Михалыч дал подзатыльника здоровяку и тот сразу замолчал, как отрезало. – Коротко и по делу, как здесь всё устроено? И это, опустите вы его, если что, я его из машинки на любом расстоянии занулю, – он расстегнул кобуру и положил руку на рукоятку пистолета.

Здоровяк, поглядывая с опаской на оружие, рассказал много интересного, хотя, если честно, имел об устройстве этого мира весьма общее и туманное представление. Приблизительно, как дикарь, живущий в джунглях, знал бы о мире, его окружающем. Но и сказанного было достаточно, чтобы понять – дела не просто плохи, а хуже некуда. Ровно через три дня наступит очередной день всеобщего зануления – все, не имеющие регистрации, лишались энергии полностью и безвозвратно, а прочие получали из общей копилки что-то вроде премии.

Как происходило зануление, здоровяк не знал, но результаты видел – воздух начинал трещать от электрических разрядов, обитателей иного мира окутывало сияние и нечто огромное, как хобот гигантского торнадо, опускалось на район, всасывая тех, кто не имел метки регистрации и не нашёл надёжного убежища на время зануления.

– Чужую метку взять не получится, – быстро предупредил здоровяк, прижав руки к груди. – Она привязана к личности,

чужого сразу убьёт!

Приглядевшись, Егор разглядел под плотно прижатыми руками парня слабое оранжевое сияние, словно кто прицепил ему на грудь светящийся значок. Точнее, в грудь, потому что свечение явно проистекало откуда-то из тела парня. Странное дело, но мгновение назад она никак не отсвечивала, а сейчас, как на заказ – он чётко видел метку регистрации.

– А что такое убежище? – спросил он повеселевшего от перемены темы здоровяка.

– Так это... тут всего два варианта... или под силовой линией отсидеться, чтобы не отсвечивать... или это... в ком-нибудь пересидеть, пока всё не закончится.

– В ком пересидеть? – начал терять терпение Егор. – Тебя за язык нужно тянуть?

– В человеке, в ком же ещё? – испугался парень, принявший метафору Егора за обещание реальной пытки. – Только я не знаю, как это делается, – сразу предупредил он, – слышал, народ болтает, а что и как, не знаю! За всё платить нужно, а откуда бабки?

– Что за бабки? Тут и деньги водятся? – удивился Корней. – Зачем покойникам деньги?

– Покойники на кладбище в гробу лежат, – не на шутку обиделся здоровяк, – а мы души, и ничто человеческое нам не чуждо! Не будешь же каждый раз за всё энергией платить, да и не все это умеют, вот и нужны деньги. Потом их можешь в любой забегаловке на энергию разменять, когда при-

спичит.

Он рассказывал о деньгах, инстинктивно облизываясь при этом, словно речь шла о чём-то невероятно вкусном, но недоступном. Какое-то мечтательное выражение лица делало его при этом даже похожим на обычного человека. Он произвольно сглатывал, будто уже приобретал всякого рода вкусности в местных ресторанах, иногда нос его задирался, он явно представлял себя отчаянно богатым человеком, но чаще всего лицо искажала гримаса недовольства, а то и ненависти, когда он вспоминал, что ничего подобного у него нет и не будет.

– Хорошо, как найти тех, кто научит искать убежище? – Егору не давала покоя мысль, что без надёжной защиты им тут долго не протянуть. – Говори и можешь уходить!

– А чего говорить? Не знаю я, – глазки его забегали, – говорю же, слухи, болтают люди, что не попадя.

– Кто болтает, где болтают? – Михалыч с намёком потёр кулак. – Думаешь, мы вчетвером с тобой не справимся, парень? Да я тебя один уделаю, вы же, быки, только с виду грозные – накачали бицепсов, а ума ни на грош. Ну, всё из тебя клещами тянуть?

– Да, понял я, чего как сразу, так в морду? Здесь же выше по улице в пивбаре «Лиса и Гусь» есть один кент разговорчивый. Все зовут Мухомором, вы его сразу узнаете, его трудно не узнать. Только я вам ничего не говорил, – добавил он и кинулся наутёк так быстро, словно черти за ним гнались.

– Как думаете, бар ещё работает? – спросил Егор.

– А куда ж ему деться? – тотчас ответил Михалыч. – Помню я тот бар, до самого утра клиентов вывозили. Одного не пойму, что там покойникам, тьфу ты, людям вроде нас делать? За живыми подглядывать?

– Энергию, Михалыч, подтягивать, чего тут непонятного? Веди нас, раз уж ты самый знающий.

– А чего мы все ходим, да ходим? – встрепенулся Корней. – Мы же недавно на Алинкины похороны летали, как супермены. Правда, я вот пробовал недавно – не получается, – виновато добавил он, пожав плечами.

– Не получается и бог с ним, тут идти два дома, пока взлетим, уже садиться, – хмыкнул Михалыч.

– Только на берегу договариваемся, чтобы потом не суетились, – остановил Егор, ринувшихся было друзей. – В бар пойду я или Михалыч, потому что вас туда элементарно не пустят.

– И тебе там нечего делать, – как отрезал Михалыч, – мне это дело привычнее и контингент знакомый. Так что, сидите в сторонке и смотрите, как профессионалы работают!

Миссия Михалыча закончилась подозрительно быстро – уже через пару минут его выволокли, заломив руки за спину, из бара и потащили куда-то дворами, нырнув в ближайшую подворотню.

– Наших бьют!

Егор схватил ринувшегося Корнея и зажал ему рот.

– Не ори, дурень!

– Сдрейфил? Кишка тонка? Михалыча нужно отбить, он наш! – пыхтел Корней сквозь зажимавшую рот ладонь Егора, пытаясь вырваться из цепких объятий.

– Тихо ты, спасатель! Если Михалыча взяли, значит, он вышел на того, кого нужно и сейчас окажется именно в том месте, где есть вся информация! Понял? Мы тихо идём за ними и делаем это быстро, пока не потеряли их из вида!

Корней кивнул, но по его виду нельзя было сказать о согласии с мнением Егора.

– Ты бугор, твоё слово крайнее, – буркнул он.

– Тогда ноги в руки и побежали, дуться и обижаться потом будешь!

Они рванули, что было сил к дому, за углом которого только что исчезли конвоиры, тащившие Михалыча, и остановились в растерянности – несмотря на открытые и прямые линии улиц, никого на них уже не было.

– Через стены ушли, – вздохнула Алина, – как мы его теперь искать будем? Бедный Михалыч! Его там пытаются, наверное, а мы даже помочь не можем, – она всхлипнула. – Вот Михалыч бы обязательно что-то придумал, если бы тебя, Егор, схватили!

«Соединитесь в круг, очень сильно и чётко представьте своего друга!»

Голос в голове Егора прозвучал, как нельзя кстати.

– Так, быстро ко мне, – скомандовал он, – берёмся за руки, и каждый представляет себе Михалыча изо всех сил.

– И что будет? – упёрся Корней. – Ты же не шаман, что это нам даст?

– Шаманы говорят с духами, чтобы узнать то, что им нужно. А мы сейчас кто, по-твоему? Сказано, значит, делай!

– Корней, миленький, ну, что тебе трудно что ли? Егор знает, раз говорит!

«Ты почувствуешь направление. Дальше справитесь сами!»

Слепому на месте Егора было бы комфортней – легко сказать, думай, почувствуешь, а как это будет выглядеть? В голове Егора не рождалось абсолютно ничего, как он не тужился.

«Не напрягайся! Расслабься и думай о друге! Здесь сила не имеет значения, главное – дух и желание. Запомни это на будущее!»

– Ага, вот теперь всё стало совсем понятно, – мысленно

разозлился Егор. – Тебя заставь прямо сейчас программу написать, я бы посмотрел, как бы ты расслабился.

Он глубоко вдохнул и плавно выпустил воздух через нос, стараясь представлять образ Михалыча. Совершенно неожиданно, поначалу едва слышно, а потом сильнее и отчётливее ему захотелось повернуться влево. Он потащил за собой всех, пока влечение не прекратилось. Стоило ему начать поворачиваться дальше, как что-то толкало его обратно.

– Туда, – он кивнул, показывая направление, опасаясь разорвать круг.

Несколько шагов и давление в области затылка заставило наклонить голову.

– Вниз? Это как? – Егор от возмущения заговорил с голосом вслух. – Мне под землю провалиться что ли?

«Именно что! Просто представь, что перед тобой ступеньки, идущие вниз, и иди! Сколько раз тебе повторять – не циклись на том, что видишь, главное – дух и желание! И друзьям не забудь сказать о своих планах, а то они уже переживают, что ты сошёл с ума!»

– Идите за мной вниз, как будто спускаетесь по ступенькам, – буркнул Егор, недовольный выволочкой голоса. – Не верьте своим глазам, просто делайте то же самое, что и я, понятно?

– Ага... Угу... Михалыч под землёй?

– Думаю, в подвале, так что идём медленно, чтобы не вывалиться им на голову.

Егор осторожно шагнул на первую «ступеньку», до сих пор не особенно веря в слова голоса. Тем не менее нога, хотя и с сопротивлением, прошла сквозь асфальт, упёршись во что-то, находящееся ниже уровня тротуара. Следующий шаг дался с большим трудом, ему казалось, что земля вот-вот вспомнит о своей плотности и вцепится в ноги, но ничего особенного не произошло.

– Ничего себе, – восхитился Корней, – а мы там под землёй будем видеть?

– Я не шаман, – буркнул Егор, – сейчас сам узнаешь. Если надо, пойдём в темноте, главное – слушайте мой голос и не галдите без нужды. Мы в любой момент можем на них выйти.

Едва они скрылись под землёй, как зрение переключилось так, что всё, находящееся рядом с ними, было отчётливо видно, но это распространялось не далее нескольких сантиметров от лица. Кто бы знал, что под землей столько коммуникаций! Электрические кабели вызывали в глазах яркие вспышки, горячая и холодная вода бросали то в жар, то в холод, но самое неприятное оказалось в канализации. Без запаха, без вкуса, зато какие виды? От одного этого нормального человека немедленно вырвало бы! Но, слава богу, труба оказалась не слишком большого сечения.

– Мне кажется, я слышу голоса, – Алина дёрнула Егора за руку. – Точно, там Михалыч, они его бьют! Давайте быстрее!

– Да, не спешите вы, – прошипел Егор, с трудом сдерживая Корнея с Алиной. – Если и мы вляпаемся, кто будет Михалыча спасать? Подбираемся ближе и молча, главное – молча, что бы вы там не услышали. Это понятно?

Они подобрались настолько близко к подвалу, в котором держали Михалыча, что только тонкий слой штукатурки отделял их от людей.

– Ты зачем Мухомора искал, мент?

Михалыч застонал от боли.

– В сотый раз говорю, не мент я здесь, только что откинулся, ничего и никого не знаю, регистрации нет и, похоже, не будет. А человек один шепнул, что скоро кранты всем, кто без регистрации и только Мухомор знает, как помочь.

– Получи ещё перца в печёнку! Менты бывшими не бывают, пургу не мети! Кто про Мухомора маякнул? Откуда явку знаешь?

Михалыч тяжело дышал, преодолевая боль.

– Не знаю я его, мы буквально на вась-вась пересеклись, я ему полстопарика налил, он и поделился инфой.

– А спецтара откуда? У нас тут с таким по улицам простые люди не ходят! Ещё саечку для бодрости.

– А-а-а-а! Ну, подрался тут с электриками, у одного и стибрил в горячке.

– С электриками? Какими электриками, мент позорный, ты чего нам лапшу на уши вешаешь? Мухомор, давай его занулим, хоть какой-то прок будет с мента!

– Бабу свою будешь занулять, Прохор! Отойди от рубильника и заткни пасть. Так ты говоришь, мил человек, недавно откинулся? Что-то больно много подвигов за тобой, чешешь, как по писаному. Чую, казачок ты засланный, вот только не пойму, зачем так глупо подставился? Меченый что ли? Савелий, ну-ка глянь через стёклышко, не светит он кому прямо сейчас?

– Чистый он, Мухомор! Может, не врёт?

– Не тебе решать, Савелий, врёт или нет, ты понял? Вот и замри в сторонке! Так чего тебе, мил человек, от Мухомора надобно?

– Я же сразу сказал, хочу знать, как от той напасти укрыться, что через три дня начнётся?

– А что же в контору не бежишь за регистрацией? Или ноги не ходят? С виду здоровый вроде. Ты пойми, мил человек, нам спешить некуда, мы тебя можем хоть всю ночь тут гасить, а то и вовсе занулим, если не понравишься. Ты лучше сразу карты раскрой и не будет мучений. Так зачем я тебе понадобился, чем контора не угодила?

– Так это... – замялся Михалыч, – у нас... в смысле у меня конфликт с конторскими вышел. Они типа наезжать начали, а мне не понравилось, и мы того...

– Чего того, мил человек? В салочки поиграли, картишки раскинули? На чём не сошлись?

– Они нас... меня занулить хотели, а по результату мы... то есть я их того...

– Ну-у-у, что того? Занулил что ли? Тройку занулил? В одиночку? Только что откинувшийся чудака занулил в одиночку тройку? У вас там все дураки или ты самый способный? Тройку нельзя занулить, ты это знаешь?

– В смысле нельзя? Нет, не знал, – честно признался Михалыч. – Ну, они первые начали, мы... я не виноват!

– Что ты всё бекаешь-мекаешь? То я, то мы. По всему выходит не один ты был, мил человек, с помощниками? И где сейчас помощнички?

– Откуда я знаю?

– Темнишь, мил человек, думаешь Мухомор тебя не раскусит? Никак решил с подельничками банк взять и в райские кущи махнуть первым рейсом? Колись! Может, я тоже в тему впишусь, ежели расклад понравится.

– Какие райские кущи? – искренне удивился Михалыч. – Типа санаторий, что ли? Куда отсюда можно свалить?

– Мухомор, да он под дурачка косит, ясен перец! – вклинился в диалог Прохор. – Типа он не знает про рай, типа совсем дурак. Сейчас качну дозу и тогда верняк – не видать тебе рая, как своих ушей.

– Я тебе, Прохор, говорил заткнуться и не отсвечивать? Ну, так и не встрейвай! Ты чего, мент, в самом деле дурак? Решил, тут тебе последний приют? Нет, вы посмотрите, парни, он решил, эта станция крайняя, – Мухомор заржал в голос, смешно хлопая себя по бокам большими руками.

– А что, не крайняя?

– М-да, первый раз такого тупого мента встречаю, – отсмеявшись и утерев выступившие слезу, сказал Мухомор. – Кому и крайняя, а кому ещё пилить и пилить в небеса. Только мы спешить не будем, мил человек, нас-то в небесах не ждут, нам давно уже котлы со сковородками в аду согрели, не резон отсюда когти рвать. Нам с парнями и тут в кайф, а вот ты, падла, решил нам тот кайф обломать, как я погляжу. Копашь под Мухомора, слабинку ищешь, думаешь на общак выведешь? А вот обломись, мент! Давай, молись напоследок или делай, чего хочешь. Прохор, гаси его к едреней фене.

Егор чувствовал, как начали зудеть ладони, сжимающие руки Алины и Корнея. Ему отчаянно хотелось ворваться в подвал, расшвырять бандитов и спасти Михалыча. Но что они втроем могут сделать с тройкой бывалых уголовников этого мира? Погибнуть смертью храбрых? Или...?

– Мы круг! – голоса Корнея и Алины эхом подхватили мысли Егора. – Мы едины! Моя сила, твоя сила, наша сила! С добром добро, со злом зло! Ко мне с мечом, получи мечом! За зло в ночи заплатят палачи!

Слова не звучали вслух, мысли ребят неожиданно переплелись и превратились в гудящий голубой шар, висящий между ними. Они вышли из стены, заставив Мухомора и подельников побледнеть.

– Отпусти его или сейчас сами сдохнете, – приказал Егор, заставив стреляющий голубыми искрами шар выдвинуться

вперёд и повиснуть буквально перед носом Мухомора.

Изборождённое крупными красными язвами бледное лицо бандита стало мертвенно серым в голубом сиянии опасного оружия.

– Отключи его от разрядника, – приказал главварь тому, что стоял возле рубильника. – Не делай глупостей! – заорал Мухомор, заметив, что Прохор дёрнул рубильник вниз.

В тот же момент шар выпустил длинный луч и ударил в разрядник, затем изогнулся и, довольно зашипев, вытянул энергию из Прохора, растаявшего на глазах.

– Егор, вали их всех, – крикнул Корней, собираясь разорвать круг.

– Держать строй! – рявкнул Егор, испугавшийся, что грозное оружие в тот же момент превратится в ничто.

Он чувствовал, что шар безбожно высасывает из них энергию и, если дело так пойдёт дальше, он всё равно схлопнется. Энергии Прохора хватит ещё минут на пять, а дальше нужно что-то делать, чтобы атака не захлебнулась. Они не могут стоять вечно, и убивать Мухомора им не с руки – он источник важной информации. С другой стороны...

Шар метнулся к Савелию, мгновенно опустошил и его, напившись халявной энергией вдосталь. Теперь они совершенно точно знали, что бывает с теми, кто теряет энергию полностью.

Нечего жалеть бандитов, – уговаривал себя Егор, – друзья важнее, нормальным людям жизни нет, а они тут королями

себя чувствуют.

Только противное ощущение не отпускало, напоминая, что только что он своим желанием превратил двух, пусть не совсем людей, в ничто.

– Я скажу, что нужно, – завопил Мухомор, испуганный расправой с подельниками, – только поглотитель уберите!

Вот это всегда пожалуйста, – мысленно поразился Егор. Затем представил, как шар возвращается в круг и отдаёт накопленную энергию тем, кто его создал. Шар дёрнулся и, ведомый чьими-то противоречивыми желаниями, потянулся к Мухомору, но Егор усилил образ, стараясь чётко и сильно представить правильные действия шара. Медленно, нехотя, дёргаясь, грозный убийца поплыл в сторону своих создателей, затем вспыхнул и исчез, заставив на какое-то мгновение испытать их жгущий огонь, разливающейся по телу энергии. Чужой энергии, только что забранной вместе с жизнью бывших людей.

Не успели они расцепить руки и расслабиться, как Мухомор чёртом скакнул к Михалычу, выхватил из кармана что-то металлическое и приставил тому к горлу.

– На понт решили взять, сявки позорные? Только дёрнитесь, вашему дружку кранты наступят! – он дышал тяжело, говорил отрывисто и зло, цепко держа под присмотром неожиданных защитников. – Можете потом и меня приручить, только подельничка вашего уже не восстановить будет. А вы не такие, вам не в масть своего терять, – он довольно засме-

ялся противным лающим смехом.

– Отпусти, Михалыча, гад такой, – утирая слёзы, потребовала Алина. – Что мы тебе сделали? Просто спросить хотели! Почему нельзя просто поговорить?

– Здесь только я задаю вопросы, остальные на них отвечают, – ощерился Мухомор, блеснув стальными зубами. – Сейчас мои ребята подойдут, тогда и расскажете, что задумали, как миленькие расскажете! Мухомор не дурак, у него всегда есть туз в рукаве, ха-ха-ха!

Звук выстрела прозвучал громом с ясного неба. Мухомор вздрогнул и завалился навзничь, выронив блестящий металлический цилиндрок. Пуля, вылетевшая из ствола пистолета, зависла в теле Мухомора, наливаясь багрово-красным огнём, как комар, впившийся в жертву. Высосав жертву до дна, метнулась к Михалычу и утонула в рукояти, словно ни рука, ни металл не были для неё препятствием.

– Ничего себе туз в рукаве, – выдохнул ошеломлённый увиденным Корней. – Михалыч, ты как догадался, что он его срубит?

– Ничего я не догадывался, – кряхтел полицейский, с трудом поднимаясь со стула, – надоело чувствовать себя заложником этой твари, вот и вспомнил, что есть оружие. А всё остальное – это местные чудеса, Макаров так не стреляет.

– А ты, о чём думал, Михалыч, когда стрелял? – начиная подозревать источник магии, спросил Егор.

– О чём я мог думать? Укокошить хотел гада, потому как

с такими другого разговора не получится, или ты их, или они тебя – по-любому такой расклад выходил.

– Результат налицо, – вздохнул Егор, – пять минут, три труп и ноль информации. Что имеем в сухом остатке?

– Деньги, – радостно ответил Корней, что-то нашедший в том месте, где только что были бандиты, – если правильно понимаю, это и есть деньги! – он показал пачку разноцветных бумажек. – Тут даже написано, что почём. Так что с голоду не помрём!

– Интересно, что и где ты собираешься на них покупать? – язвительно поинтересовалась Алина. – Забыл, что нас ищут все, кто не попадя? Если так дальше пойдёт, превратимся в вурдалаков, будем по ночам выходить и пить кр... в смысле энергию у тех, кто послабей. Не хочу, – она топнула ножкой, – придумайте хоть что-то!

Дверь подвала заскрежетала на давно не смазанных петлях, по стенкам заметался луч фонаря и в помещение ввалились бомжи, втаскивая следом огромные баулы с добычей. Друзья переглянулись и молча ушли прочь по тем же «ступенькам», подталкивая Михалыча, явно не готового морально к длительным путешествиям в подземельях.

Бомжи устраивались в подвале, выкладывая барахло из объёмных баулов, откладывая в сторону всё, что можно съесть и выпить. На их лицах не было брезгливости или отвращения к богатствам, добытым на помойках. Дело при-

вычное, обычное для людей, опустившихся на дно жизни. Никто из них не обратил внимания на прилегшего в тёмном углу товарища, неожиданно потерявшего сознание. Только что он, как и все предвкушал разнообразный ужин и, вполне вероятно, выпивку, а вот он же лежит, едва дыша, совершеннейшим трупом.

Тем более некому было обратить внимание на душу бомжа, неожиданно покинувшую тело и последовавшую за четвёркой друзей, как собака по следу. Если бы в этот момент кто-то из обитателей иного мира мог взглянуть в глаза любопытной душе, он обратил бы внимание на оловянность взгляда и несколько рваные движения, характерные для тех, кто, как говорят, несколько не в себе.

Бомжи, прикончив еду и выпив алкогольный «коктейль», завалились спать, ничуть не заботясь судьбой своего товарища. Оно и проще – кто раньше, кто позже, а всё одно подышать, меньше ртов – больше жрачки на рыло. Кто утром встал, тот и товарищ.

А ищейка бежала за спешно уходящими подальше от проклятого места друзьями, благоразумно прячась в тени деревьев, а то и в них самих, чтобы не попасться на глаза. Подбиралась поближе, чтобы услышать ими сказанное и потом...

Зарозовели высокие облака под первыми лучами июньского солнца. На улицах было по-утреннему пустынно и тихо. Даже птицы не решались нарушить тишину и сладко дремали в гнёздышках. Ветер, уставший за ночь, успокоился, пыль улеглась, листочки на деревьях не колыхались – всё дышало мирным покоем.

Лишь четвёрке друзей отчаянно не спалось. Они решительно шагали по знакомым улицам, словно вот-вот в подворотне или за следующим поворотом появится ответ на главный вопрос – что делать? Неужели они умерли лишь для того, чтобы продолжить бессмысленную битву за «жрачку»?

– Михалыч, ты же можешь в местную полицию пойти работать, – предложил Корней, уставший от всеобщего молчания. – А что? Видал этих, которые нас повязать должны были? Не обижайся, но вылитые менты – повадки, прихваты, опять же отношение к простым людям. Сперва в морду, а потом «предъявите документы»!

– Ага, так они меня и взяли, – отмахнулся Михалыч. – После вчерашнего на пушечный выстрел не подпустят. Думаю, у них недостатка в нашем брате нет, мрут регулярно.

– Гибнут, спасая людей? – понимающе вздохнула Алина.

– Да, по-разному бывает, больше по бытовухе – кто пьяный на машине в столб въедет, кто водкой палёной траванёт-

ся. В лихие девяностые всё проходили по статье – погиб при исполнении! А как иначе? Чистота рядов и прочее. В первую голову за такое начальники звёздочки и кабинеты теряли, кому это надо? Нынче проще за бытовуху уволить – не надо пенсий и компенсаций платить.

Егор неожиданно остановился.

– Знаете, братцы, давайте лучше обсудим ближайшие планы. Если возражений нет, то я предлагаю обосноваться вон в том скверике на скамейках. А то от этой беготни и суеты мысли в кучку не могу собрать.

В рядах соратников появилась бодрость и целеустремлённость. Одно дело – шагать неведомо куда и непонятно с какой целью, другое – получить чёткий приказ и возможность услышать что-то обнадеживающее.

– Что нам известно? – спросил Егор и, не ожидая ответа, продолжил. – Мы умерли. Наши души находятся в этом мире, в нашем привычном мире, но в ином состоянии, – уточнил он. – Основа этого мира – энергия, которую нужно постоянно восполнять, чтобы не занулиться. Но...

Он замолчал, подбирая слова.

– Мы знаем, что это не конечный мир, а лишь промежуточная станция. Отсюда можно попасть в рай или в ад. Не знаю, что это такое, и это не важно! Пока, главное, что мы почему-то не попали туда сразу.

– Грехов много? – спросила Алина. – Говорят, самоубийцам дорога в рай закрыта.

– Ага, тогда бы ты сейчас прямиком в ад попала, если верить тем знатокам, – буркнул Корней, которому слова Алины не понравились категорически. – Не попала же, да и я тоже не в раю должен быть при таких раскладах.

– Вот, чувствуете? Есть заковыка! За мной ужасных грехов не числится, вроде как прямиком в рай или там в чистилище для предварительных бесед, но мы все вместе попадаем сюда, на промежуточную станцию.

– И что из этого? – не понял Михалыч. – Попали и попали, может, не время ещё. Откуда мы знаем, как оно всё должно быть? Вот часики отсчитают девять дней, потом сорок и алялю, гоните гусей! Барин придёт, барин всё рассудит!

– Какие девять-сорок, Михалыч? Через три дня нам всем каюк, если не найдём убежища, – напомнил Корней. – Об этом нужно думать, а не о перспективах.

– А мне кажется, Михалыч прав, – вступилась Алина. – Просто нужно подождать и всё само решится! А? Ну, что мы можем? Кто мы такие, чтобы тут всё крушить? Их вон сколько, а нас всего четверо!

– А я думаю, не всё просто так. И не важно, что нас всего четверо! – не согласился Егор. – По словам Мухомора тройку занулить нельзя, а мы это сделали, почему?

– Так тебе же какой-то голос помог, ты сам сказал тогда, – напомнил Корней. – Без него нам бы точно капец вышел, вовремя он подвернулся.

– Подвернулся ли и случайно ли? Вот в чём вопрос, –

Егор со значением поднял палец вверх. – В подвал тоже с его помощью попали, значит, ему важно, чтобы мы оставались вместе. Почему? Найдём ответ на вопрос, поймём, как жить дальше.

Все молчали, проникаясь значимостью сказанного.

– А что мешает, спросить у этого твоего голоса напрямую? Чего мудрить? Пусть скажет, мы сделаем, там видно будет, какой расклад прилетит, – неожиданно спросил Корней. – Нет, ну, сами прикиньте – ему от нас что-то надо, а мы ходим кругами и должны его загадки разгадывать? Я пас, мне, в принципе, – он глянул на Алину, – и здесь хорошо. А что будет там, – Корней ткнул пальцем в небо, – я не знаю.

– Я пытался, – признался Егор, – только он молчит. Вообще, непонятно, имеет он ко всему этому отношение или просто мимо пробежал. Но у меня ещё идея появилась. Не знаю, может и глупость, но всё-таки. Только просьба – всё, что захотите сказать, говорим просто, без всяких там уловок и придумок. Хорошо?

Все кивнули.

– Вот мы здесь появились и сразу начали что-то ломать, что-то искать, куда-то бежать. Но вы же сами видели – тут все живут спокойно, никакой суеты, размеренная жизнь, как... – он пощёлкал пальцами, пытаясь подобрать определение, – как в жизни. Они просто живут, а мы эту жизнь ломаем! Почему?

– Сам же сказал – так получилось, – нахмурился Корней. –

Приживёмся, и всё наладится!

– Ни черта не наладится, чувство нехорошее, что это только цветочки. Собственно об этом и речь. Вот я хотел мир изменить, – он улыбнулся, – глупо, но мне казалось, что однажды я напишу такую программу, которая станет мыслить лучше человека. Понимаете, я всё время жил этой целью – что-то изменить кардинально и тут, бац, и в ящик! Помните, что в вашей жизни было? Было же что-то похожее?

Все задумались.

– Ну, не знаю, имеет ли это отношение к делу, – Михалыч поёжился, почесал в затылке, не решаясь сказать, – но у меня давно уже злость появилась, не по уму у нас всё делают, не по-людски, что ли. Я же чего на этот вызов поехал? Там в адресе бандюган один жил, его все отлично знали, на него столько заявлений было, что прямая дорога ему в Магадан, но потом каждый заявитель как-то бумажку свою забирал. Объяснить почему? Как мне этим людям было в глаза смотреть, если наши же опера у него с руки клевали? Меня от злости давно бы порвало, если бы я не задумал его завалить к такой-то матери. Нет, не натурально, а типа при задержании. Как раз по рации доложили, что он забухал и из ружья в квартире стреляет. Думаю, вот он шанс, другого не будет – сразу в оружейку, взял автомат и в машину. Только он первый успел, словно ждал меня гад.

– А ты, Корней? Есть что-то похожее? – все уставились на пацана и тот нахмурился, недовольный всеобщим внима-

нием.

– Не знаю, – буркнул он. – Думаете, я такой слабачок, подсел на наркоту, с гопотой связался, учиться бросил? А вот нет! Задолбало меня – в школе все такие прилизанные, с виду добренькие, а каждый норовит подлянку кинуть и в спину ударить. Если нет у тебя крыши, считай себя пустым местом, точнее мальчиком для битья. Ну, я тогда с гопниками скорешился, деньги из дома таскал для них, курили какую-то дрянь, пиво пили, зато всякая сволочь в школе на пушечный выстрел подойти боялась. Типа уважали. А я же видел, в стае большинство таких, как я, просто они вожака боятся и его шоблу – те всех гнобят, чтобы на вожака даже рыпнуться не смели. Думал, смогу как-то народ взбаламутить, их свалить, свои порядки установить. Разговорчики заводил, уже план был готов, но какой-то мелочи не хватало или страх мешал. Решил закинуться таблетками, мозги прояснить, но с дозой накосячил по ходу. Ну, как, в масть?

– Есть маленько, – Егор потрепал Корнея по плечу, – тема правильная. Алина, ты как?

– Никак, совсем никак! Слушаю вас и удивляюсь, всё бы вам поменять, переделать, под себя перестроить, а не лучше ли научиться просто жить в этом мире? Кто мы такие, чтобы менять? Он сейчас прекрасно обходится без нас, знаете ли. Люди погрузят, какие-то вопросы постоят нерешёнными, а потом всё зарастёт, словно и не было нас вовсе. Мир легко справляется со всем, что мы в нём пытаемся изменить.

Я, когда решила покончить жизнь самоубийством, тоже думала, всё переменится, а теперь точно знаю – дура была!

– Но изменить-то хотела? – не сдавался Егор, захваченный собственной идеей. – Нам всем в том мире что-то хотелось изменить, и только мы появились здесь, как сразу же начали с изменений. Пусть и не по собственной воле, пусть так получилось, но начали же! А может в этом и есть наша задача? Вдруг нас именно для этого собрали в команду, чтобы изменить этот мир кардинально? Вы же видите – в нём всё устроено неправильно, несправедливо, даже хуже, чем в том мире.

Эта регистрация ничем не лучше крепостного права, рабство какое-то средневековое. Есть у тебя метка – ты человек, не получил по любой причине – подохнешь и никто тебе не поможет. Здесь всё неправильно, несправедливо, нелогично. И нас тут не должно быть в принципе, потому что сам этот мир – ошибка, накопившаяся проблема, понимаете?

– В смысле проблема? Чья ошибка? – Михалычу идея Егора не нравилась категорически. – Не знаю, как тебе, а я лучше ещё побуду ошибкой, чем пропасть неизвестно где и стать непонятно чем. Плохая, косая, кривая, непонятная, но это жизнь, чёрт бы её побрал. Чем она отличается от той, в которой мы были до смерти? Считай, что просто переехали в далёкую страну и там всё не так, как у нас принято. Привыкай и живи, если нельзя вернуться обратно! Можешь? Нет! Зачем ломать, если ничего взамен не получишь? Глупости всё это.

– Нет, Егор, я не хочу ничего ломать – тут тоже люди живут, – горячо поддержала Михалыча Алина. – Несчастные, довольные жизнью, при должностях или простые люди, взрослые, дети, старики, но это люди. Что с ними станет, если ты поломаешь этот мир?

– Да почему поломаешь? – вмешался возмущённый Корней. – Что вы заладили – поломаешь, разрушишь? Изменить, сделать более справедливым для всех, кто в нём живёт! Мы разве не этим занимались, когда тех детишек спасали? Мы же можем изменить этот мир так, чтобы те самые детишки имели равные права со всеми. Кто придумал, что им нельзя регистрироваться? Кто, вообще, придумал регистрацию? Вы об этом подумали? Сидят там жирные свиньи и решают, кому дать жить, а кому пора помирать. Фашизм какой-то, в натуре! Если могу изменить, то так и сделаю.

– Вот, именно так я хотел сказать, но Корней меня опередил. Не ломать, изменить. Разве это плохо? По мне так нужно начинать сразу с главного – найти центр регистрации и понять, кто всем заправляет. А дальше по обстановке. Как вам план?

Никто не отозвался на призыв Егора, все пристально всматривались в нечто за его спиной. Он с недовольным видом обернулся, досадуя, что в самый решительный момент собеседники отвлекаются на какую-то ерунду.

Не так уж далеко от них с небес к земле спускался хобот классического торнадо. Невооружённым взглядом бы-

ло видно, что страшное порождение природы удивительным образом не оказывает ни малейшего влияния на материальные предметы – ни трава, ни листочки, ни ветки деревьев не шевелятся под его напором. Огромный пылесос охотится за чем-то другим, принадлежит другому миру и опасен исключительно для тех, кто сейчас находится в ином мире... без регистрации.

– Он же говорил про три дня! – еле слышно помертвевшими губами произнёс Егор.

Всё заканчивается, так и не начавшись, конец всем планам. Сейчас их отправят на принудительное зануление, превратив в бесплатные консервы для тех, кто имеет регистрацию. И голос молчит, словно его никогда не было. Если они ему были нужны, самое время помочь! Иначе, зачем затевать эти сборы команды, проверку на вшивость? Зачем е-е-е-м? Забыв обо всём, Егор не сразу понял, что его дёргают за рукав и что-то кричат в ухо.

– Бежим! – орали хором все трое, пытаясь сдвинуть с места остолбеневшего командира. – Ходу! Двигайся, Егор!

Они бежали, что есть сил, оглядываясь на ходу. Торнадо, поначалу двигавшееся причудливыми зигзагами, как будто почуяло жертву и теперь преследовало их, без помех проходя сквозь дома, спрямляя углы, уверенно сокращая дистанцию. Сомнений не оставалось – всё произойдёт через считанные секунды, и нет ни малейшего шанса изменить ситуацию. Сейчас бы машину, а ещё лучше ракету, чтобы убрать-

ся подальше от этого чертового пылесоса.

– Никто не хочет смотреться на свои похороны? – пыхтя, крикнул Корней. – В прошлый раз с Алиной получилось круто! Я не могу, ничего не помню! Егор не подходит, у него как раз где-то здесь всё произошло. Михалыч, выручай!

– А чего делать нужно? – тяжело отдуваясь, но не сбавляя ход, спросил Михалыч. – Я ж тогда ничего не понял, просто все разом куда-то полетели и всё.

– Вспомни кого-то, кто был рядом с тобой в тот момент, – крикнула Алина, – всё началось, когда я представила, как переживает мама.

Они тотчас взмыли в воздух и рванули наперерез торнадо со скоростью выпущенной из лука стрелы. Ветер не свистел в ушах, перегрузка не давила на плечи, но огромный серый столб гигантского пылесоса быстро превратился в тоненький жгутик, а затем и вовсе исчез.

Душа бомжа вышла из тени, проводила удаляющиеся фигурки взглядом, развернулась, словно по команде «кругом» и, обходя хобот торнадо по большой дуге, рванула обратно к подвалу. Только что продравшие глаза жители подвала обратили внимание на бездыханный труп именно в тот момент, когда душа нырнула на место.

– Гля, Сёма, по ходу, Жабa подох, – толкнув тело, сообщил бомж, первым добравшийся до тела. – У него классная сумка, чур моя – я первый трупешник нашёл, – он довольно заржал.

– Ты, Рыба, грабалки не протягивай, – куча грязного тряпья в углу зашевелилась, и опухшая рожа грозно ощерилась на Рыбу. – Трупешник он нашёл! Ты нашёл, тебе его и в морг сдавать на опыты! Понял, Рыба?

– Я чо, я ничо, – испугался Рыба выступления вожака и от досады пнул тело Жабы.

Тот неожиданно вздрогнул, затрясся и, открыв глаза, дико завыл. Рыба, споткнувшись, свалился прямо на голову вожака. Жаба, перевалившись на живот, с трудом приподнялся, затем, подобрав ноги, заставил себя подняться.

– Хрен вам, не сдох я, – бормотал он, пуская слюну. – На опыты меня в морг, хрен вам! Пошли вы все... – дальше полился поток ругательств в адрес собратьев по несчастью.

– А я говорил тебе, Жаба, не пей то пойло, которое тебе чувак в парке дал, – крикнул опомнившийся от неожиданного испуга вожак. – Всякую хрень пьёшь, ни с кем не делишься. Смотри, в другой раз Рыба тебя оживлять не будет!

– Да, пошли вы все в... – Жаба оглядел подвал выпуклыми покрасневшими глазами, громко испортил воздух, сплюнул на пол и ушёл, хлопнув железной дверью.

Какая-то неясная идея влекла его по городу именно к тому самому парку, в котором его напоили вкуснейшей водкой. Всего полстакана божественного нектара унесли душу Жабы в райские кущи, он увидел небо в алмазах, а по его жилам потекла горячая, полная жизни кровь. Он чувствовал себя прежним Ильёй Семёновичем, преподавателем кафедры

истории местного университета, успешным доцентом, легко получавшим любовь студенток в обмен на зачёты и оценки.

Он с трудом припоминал, что после выпитого, тот человек что-то шептал ему в ухо, но что конкретно вспомнить не получалось. Сейчас больше всего на свете бывшему доценту нужно было спешно оказаться именно там, в парке, чтобы рассказать всё, увиденное в ночном путешествии души, и получить ещё порцию того же божественного напитка. Главное не упасть раньше времени, не сбиться с направления. Важно, чтобы тот человек был на месте и ждал его с бутылкой в руке.

Тяжело дыша, Жаба вбежал в аллею парка – на третьей с краю скамейке сидел он, тот самый рыбак, которому он должен рассказать... и получить... и всё, что угодно дальше. В его беспросветной жизни появился огонёк радости – недолгой, непонятной, но столь манящей, что ради повторения того же он готов был сделать, что угодно. Лишь бы не обманул, лишь бы дал ещё...

— Так, подследственный, покажите, где вы находились, когда на вас напал старший лейтенант Добров?

— Где я мог находиться? В дверях стоял, я же их открыл!

— Не надо задавать вопросы, встаньте на это место, не нарушайте ход следственного эксперимента. Как получилось, что вы выстрелили в сотрудника полиции?

— Никак не получилось, гражданин начальник. Ружьё у стеночки стояло, я к охоте готовился, вот и поставил. Живу один, где хочу, там и ставлю!

— Не надо подробностей, гражданин Рыбалко! Что произошло, когда вы открыли дверь?

— Да я чуть не обоср..., пардон, гражданин начальник, испугался сильно — смотрю, он в меня из автомата целится и уже на гашетку жмёт! Ясен пень, я отпрыгиваю и на пол хрясь, а ружьё падает и само бабах.

— Само?

— Вот те крест, начальник, само! Думаю, хорошо, что картечью зарядил, а то бы он меня в капусту из Калаша покрошил.

— А зачем в квартире из ружья стреляли, Рыбалко?

— Так это случайность! Я сам испугался, когда бабахнуло. Курки у ружья слабые, чуть что, сразу палит. Это вам любой скажет, кто его в руках держал.

– Хорошо, гражданин Рыбалко, так и запишем – ружьё выстрелило случайно в момент падения. Так?

– Ага, святая правда, гражданин начальник, зуб на рельсы, век воли не видать!

– Ты, это, хорош тут феней поливать, говори человеческим языком или мне твои «век воли не видать» в протокол вносить?

– Не-не, могу и по-человечьи – подтверждаю, что ружьё выстрелило само в момент падения, я до него не прикасался и не имел умысла убивать этого, как его... лейтенанта...

– Старшего лейтенанта Доброва!

– Ага, вот его самого.

– Так и запишем, несчастный случай, с кем не бывает. Понятые, всё видели, всё слышали, готовы расписаться в протоколе?

Пожилая пара, мужчина и женщина, до этого стоявшие совершенно незаметно в углу лестничной площадки, бросили быстрый взгляд на бугая в дверях квартиры, затем закивали, готовые подписать, что угодно. Обведённый мелом контур убитого, заканчивался на ступеньках бурыми потёками засохшей крови.

– Семёнов, у тебя совесть есть? – взорвался Михалыч, поначалу опешивший от увиденного. – Какой несчастный случай, ты с дуба пал? Я же не один там был, ребята из ППС могут всё рассказать!

Следователь, не обращая ни малейшего внимания

на вопли покойного, подставил протокол понятым, потом Рыбалко.

– Уведите задержанного, – приказал он полицейским, а сам, отпустив понятых, отошёл в сторону.

– Гражданин начальник, а меня-то за что задерживать, если несчастный случай? – завопил недовольный детина, вырываясь из рук конвоиров.

– Так, пасть закрыл и зайчиком в клетку, – рявкнул следователь. – Я не суд, чтобы тебя отпускать на поруки.

Рыбалко сплюнул под ноги, дёрнул плечами, но не стал сопротивляться, позволив запереть себя в машине.

– Слышь, Колян, – следователь уже что-то негромко бубнил в телефон, – на место я его вывез, материалом подкрепился. Пока всё в масть, можем дальше раскручивать на несчастный случай. Ты только тех пэпээсников загни в командировку в Чечню на пару месяцев, пока тут шум не уляжется. Мою долю сегодня закинь на счёт, как договаривались! Окейно? Ну, вот и лады!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.